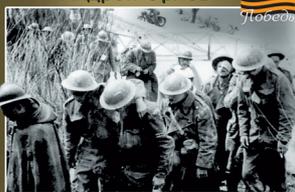

Андрей Орлов Библиотека

ЧЕРНЫЙ ШТРАФБАТ

Совсем другая война

Андрей Юрьевич Орлов
Черный штрафбат
Серия «Библиотека Победы»

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644025
Андрей Орлов. Черный штрафбат: АСТ, Астрель, ВКТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-068552-3, 978-5-271-29221-7, 978-5-226-02678-2

Аннотация

Провал, приговор. Расстрел заменяют штрафбатом. Для Зорина начинается совсем другая война. Он проходит все ужасы штрафной роты, заградотряды, предательства, плен. Совершив побег, Саша и другие штрафники уходят от погони, но попадают в ловушку «лесных братьев» Бандеры. Впереди их ждет закарпатский замок, где хранятся архивы концлагерей, и выжить на этот раз практически невозможно...

Андрей Орлов

Черный штрафбат

«Война – это серия катастроф, ведущих к победе».

Жорж Клемансо

«Муравей: „Не я воюю. Воюет муравейник“.

Карел Чапек

Сержант Зорин отрешенно смотрел на небо. Волнистое облачко в разрывах листвы напоминало котлету. Приятный ветерок освежал кожу. Кроны долговязых буков покачивались над душой тяжелым опахалом. А вот облачко не двигалось – словно приклеилось к небу. Приятные воспоминания теснились в голове, как эшелоны на узловой станции. Драка с пятикурсниками на задворках аудиторного корпуса – и чего они не поделили с этими «термитами мостовых сооружений»? Уже в те годы Зорин дрался с той же непринужденностью, с которой рисовал эпюры по сопромату. Иринка Белова выплывала из мечтательной дымки, проявлялась, как фото, замоченное в растворе гидрохинона. Вся такая взволнованная, зажатая – и хотелось ей, чтобы Зорин ее обнял, и страшно было. Как будто он вампир и шею ей прокусить собрался. Она смотрела на него своими глазами-озерами, мишку плюшевого прижимала к груди – обожала Иринка эти мягкие буржуазные штучки, а ведь не маленькой уже была, диплом защищала. «У тебя, Ириша, не комната советской студентки, отличницы, комсомолки, а собрание фауны неорганического происхождения», – шутил Зорин. Сколько лет умчалось с тех пор – четыре года? Нет, пожалуй, три – если отнять от июля сорок четвертого июнь сорок первого...

Благостные воспоминания перебило дребезжание мотора – бодрое, жизнерадостное, какое-то дразнящее. Зорин вспомнил, что он не дома, нахлобучил серо-бурый капюшон, перевернулся. Вполз на бугор, усыпанный прошлогодней листвой. Лесная дорога просматривалась в оба конца метров на семьдесят. А дальше пропадала – за густым орешником, за буками, за широким лозняком. Мотоцикл приближался с юга. Уловило натасканное ухо – он – детище Баварского моторно-мотоциклетного завода. Зорин крикнул с досады – в том же направлении полчаса назад умчался Мишка Вершинин. Местность побежал осваивать. Населенный пункт там имелся – судя по отдельным, но характерным признакам. И куда испарился? За смертью бы так бегал. Дребезжание нарастало, Зорин приподнял голову. За дальней обочиной заворошился бугорок, удачно сливающийся с окружающей действительностью, приподнялся, образовался вопросительный глаз: дескать, планы имеются, командир? Три варианта, как ни крути – пропустить, остановить к аллаху. А... Аллах бы его знал. Зависит от того, кто в седле. Он сделал знак: без меня не начинать. Бугорок пожал плечами и слился с местностью.

Из-за поворота выскочил тяжелый мотоцикл с коляской. Один «управляющий» на всю тяжесть – и управлял как-то странно: локти в стороны, плечи выше головы. Обычно парой ездят, включая пулеметчика, а бывает, что и трое. Пулемет неприкаянно болтался в люльке. Немного удивившись, Зорин пристроил на бугре ППС с откидным плечевым упором – рожок горизонтально земле, чтобы не мешался в процессе работы. Приближался одинокий гонщик. И тут он обнаружил – парень не в форме вермахта. Полосатое камуфляжное одеяние, вылитый леший – как и все разведчики в группе Зорина. Физиономия раскраснелась от возбуждения, глаза блестели. Он лихорадочно замахал рукой:

– Эй, не стреляйте, это я!

Вывернул руль, мотоцикл вкатился на обочину и встал. Мишка Вершинин спрыгнул с кожаного сиденья, идеально повторяющего форму самого нежного человеческого места. Автомат болтался за спиной стволом вниз. Завертел рискованной головой.

– Леха, ау?

Не удалось сержанту Зорину приучить этого парня к субординации. Не умел тот выговаривать, хоть тресни, «товарищ сержант». У всех выходило гладко, а этот как скажет, так в хохот. Ладно при людях еще как-то выдавливал, но при своих!.. Он давно махнул уже на этого «Леху».

– Ты что, обалдел? – Зорин приподнялся. – И куда нам теперь с этой штукой? Ты где ее добыл?

– Ну, извини, – Мишка драматично всплеснул руками, – не смог пройти мимо с невозмутимым лицом. Она ведь просто так на дороге валялась.

– Чего это она валялась? – не понял Зорин.

– Ну, там еще два фрица были, – уточнил Мишка. – Иду, а эта штука на дороге, и фрицы в кустах с расстегнутыми штанами родную землю поганят. Не смог пройти. Не волнуйся, я в кусты их оттащил. Смотри, что в коляске было. – Он выхватил из люльки и бросил Зорину серо-пятнистый продолговатый фаустпатрон. Зорин поймал штуковину, повертел. Эти разовые гранатометы совсем недавно поступили на службу вермахту. Опасные штуки, но недостатки как в любом оружии. Прицел конструкцией не предусмотрен, стрелять можно только наверняка, да еще форма у гранаты непродуманная – отскакивает от наклонной танковой брони. Имелась информация, что фрицы усовершенствовали конструкцию – появились новые гранатометы, так называемые «Панцерфаусты», и с прицелом у них все в порядке, и форма гранаты подходящая, но лично Зорин таких штук пока не видел.

Он бросил фаустпатрон обратно Вершинину.

– Сам играйся. Слушай, тебя посылали...

– Я помню, Леха... – Раскрасневшаяся физиономия подчиненного стала такой одухотворенной, что Зорин насторожился. – Короче, иду я, никого не трогаю – ну, куда ты там меня послал. Ну, не то чтобы по бульвару... в общем, передвигаюсь. Смотрю, развилка – это метров восемьсот отсюда. Широкая дорога, и еще одна – узкая. Я, конечно, по той, что широкая. Там склон, вид такой куртизанский... нет, – Мишка задумался, – пейзажский. Деревня, а в деревне то ли фрицы, то ли местные жандармы. И колонна выползает, на склон карабкается. Два мотоцикла, грузовик и легковой «Даймлер». И голос мне явился, Леха, – наша тема! С деревней связываться – огребем по полной. А колонна – сущий подарок. В грузовике от силы несколько фрицев. Я прытью обратно, а на развилке эта тема. – Он похлопал по округлому бензобаку. – Не успел бы я пешим делом, понимаешь?

Зорин лихорадочно размышлял. Места глухие, до деревни версты три, если услышат выстрелы, пока сообразят...

– А не свернут у развилки? Ты говорил, там еще одна дорога...

– Не уверен, – замотал головой Вершинин. – Не ездят немцы на «Даймлерах» по узким лесным дорогам. Ты сам подумай гнилушкой, Леха. Решайся, нюхом чую – большое свинячье рыло на подходе. Не поедет пехотный гауптман с таким эскортом. Неужто не справимся? Думай, Леха, минуты остаются...

– Мопед в лес загони, – бросил Зорин, перебегая дорогу, – и сам не мерцай тут.

Заворошились бугорки, с интересом уставились на старшего по званию и должности...

Лучшее оружие текущей войны – пистолет-пулемет Судаева. Сравнительно не тяжелый, вместительный магазин на тридцать пять патронов, длиной всего полметра и не такой громоздкий, как ПППШ. Примечательно, что выпускать его начали в блокадном Ленинграде в сорок втором. Упругая очередь. Мотоциклист выпустил руль и вывалился из седла. Взмет-

нулись крылья плащ-палатки, покатился шлем с отлогими наушниками. Транспортное средство круто вильнуло, вынеслось на обочину, забила люлька. Пулеметчик был не рохля, выпрыгнул до удара об дерево, но пожил недолго – Зорин плавно надавил на курок, и солдат с лычками ефрейтора – белобрысый, молодой, откормленный – сделался белым как бинт, словно вспомнил что-то нехорошее, повалился боком, дернул ногой.

Второй мотоцикл сменил направление, вылетел на обочину. Пулеметчик ошалело строчил куда попало, сам не ведал, что творил. Приподнялся Вершинин на обратной стороне дороги – с прилаженным к плечу фаустпатроном. Зорин поежился – промажет, и кому все достанется? Выплюнул гранату, колбаской покатился в кусты. Зорин прижался к земле, уши заткнул, но жмуриться не стал. Граната вцепилась точно в люльку. Рвануло – туго, громко, полетели обломки мотоцикла с фрагментами тел. Выхлопная труба свалилась на бугор буквально перед носом – пыхнула дымком, ничего себе сигарета...

Водитель грузовика надавил на тормоз. Ну и зря – лучше бы рвался вперед, по мотоциклетным «запчастям». Распахнулась дверь – водитель соскользнул на подножку, театрально схватился за грудь и загремел под колеса. Солдаты, громко крича, размахивая автоматами и самозарядными винтовками, вываливались из кузова. Но пули уже неслись воробьиными стаями – добродушный Цыгайло и мрачный Дорохов, засевшие в нужном месте, работали не покладая рук. Двое рухнули в пыль, третий побежал по дороге – споткнулся, клюнул носом. У четвертого, похоже, ориентиры сместились в голове. Рехнулся, проще говоря. Вместо того чтобы пасть на колени и взмолиться о пощаде, приладил к пузу МП-40 с коробчатым магазином, принялся долбить по лесу. Зорин никогда не мог понять, почему этот фрицевский автомат (и недурственный, кстати) называют «шмайссером» – конструкцию разработал Генрих Фоммлер, а мастер оружейного дела Хуго Шмайссер к созданию конкретного оружия не причастен никаким боком. Впрочем, нам без разницы, «шмайссер» так «шмайссер». Две сухие очереди с позиции Цыгайло – и еще одним солдатом вермахта на свете стало меньше. И когда они, наконец, кончатся, эти солдаты вермахта?

Серебристый «Даймлер» перед поездкой тщательно помыли. Но успел еще обрасти в нижней части кузова российской пылью. Автомобиль – писанный красавец, длинный, как автобус, с откинутым верхом, с белыми колпаками на дисках – водитель начал судорожно сдавать назад. Уперся в кабину грузовика, вывернул руль... и вздрогнул, уронил окровавленную голову на баранку. С заднего сиденья вылезали двое – офицеры, высший состав. В элегантной форме мышинового цвета, отдраенных сапогах, в фуражках с высокими тульями. Один высокий, сухопарый, не физиономия – кремень, второй пониже, толстенький, пучеглазый. Первый выхватил из кобуры вороненый «люгер-парабеллум». Но Листвянский не дремал. Прозвучал одиночный выстрел, «парабеллум» выпал в пыль, офицер схватился за обожженное запястье. Молодец Сашка. Молодой, да меткий. Второй соорудил такое лицо, словно у него топор в спине, выронил красивую кожаную папку с выдавленным имперским орлом, задрал руки. Нижняя губа безвольно тряслась, пот сочился с лишнего подбородка.

Из кустов неторопливо выбирался Цыгайло. Подошел, похмыкивая в стриженные усы, реквизировал у пленного личное стрелковое оружие, сунул пальцем в папочку – поднимай уж. Тот нагнулся, не спуская глаз с разведчика, начал шарить пухлыми пальцами по пыли российского бездорожья. Первый рванулся с высокого старта! Вот уж не ожидали. Потешно так побежал – подбрасывая ноги выше зада. Махнул через канаву, продырявил кустарник. Только пятки засверкали.

– Ай, ты, кузнечик... – только и крикнул Цыгайло.

– Не стрелять! – ахнул Зорин.

Дорохов кинулся наперерез. Немец оттолкнул выросшую перед ним фигуру, Разведчик икнул и плюхнулся в траву мягким местом. Эх, Вася с парашютом... Мишка Вершинин сорвался, кинулся за беглецом – а тот уже мелькал между деревьями. Догнал, прыгнул сзади,

как гепард на антилопу... и откатился, получив локтем в лицо, стал ругаться – в бога, душу, в такую-то дивизию.

– Вот гнида, сейчас я его придушу...

Немец поднимался, а Зорин был уже рядом. Подсек ногу, и офицер повалился на локти. Смотрел на Зорина злыми глазами, скрипел зубами в бессильной ярости, что-то шипел про «русиш швайне».

– Сам ты поросятина, – сказал Зорин, посылая приклад в челюсть. Немец опрокинулся и затих.

– Так его... – пробормотал Вершинин, неприязненно посматривая на офицера и потирая скулу, на которой мгновенно прорисовался фиолетовый синяк.

– Вяжи этого попрыгунчика, – буркнул Зорин, – готовый уже, на блюдечке. Да ноги только оставь – не нам же за него ходить...

Малой кровью отделались. Чертыхаясь, отряхивался Дорохов. Упал, конечно, не там, где сухо, а в мокрое. Второй офицер, страдая «тропической» лихорадкой, стоял на коленях посреди дороги. Цыгаило невозмутимо вязал ему руки и что-то добродушно приговаривал – словно сказку рассказывал. Сашка Листвянский – молодой девятнадцатилетний паренек – кошачьей поступью подкрадывался к кузову грузовика. А вдруг не все выскочили? Извлек из подсумка увесистую гранату РГД-42, похожую на банку с тушенкой. Разогнул усики, вынул чеку, одновременно прижав рычаг к корпусу гранаты.

– Эй, не тронь технику! – спохватился Зорин и побежал на дорогу. Поднял автомат, пригнулся и опустошил рожок по низу кузова, превратив брезентовый тент в дырявое решето. Осторожно сунулся в кузов – пусто, мог бы и не стрелять. Голые лавки, домкрат с насосом и запасное колесо, которому после пальбы уже ни домкрат, ни насос не помогут.

Всё. Отлично погуляли. Просто свадьба. Расслабился, оторвался от машины. Никто не выжил, кроме двух офицеров. Десять трупов, искореженная техника. Листвянский, закусив губу от усердия, вставлял чеку обратно в запал.

– Натворили, – ухмылялся Вершинин, выталкивая на дорогу очнувшегося офицера. Кляп из картофельного мешка Мишка вбил в него душевно – до трахеи. Воспаленные глаза безумно вращались, вываливались из орбит. Руки офицера были связаны за спиной, он вертелся, мычал.

– А чья идея? – покосился на него Зорин.

– Моя, – скромно признался Вершинин. – Может, медальку дадут. Сам посуди, командир, у тебя и «За отвагу» есть, и «За боевые заслуги», и «За оборону Сталинграда». А у меня ни хрена, кроме значка выпускника строительного техникума. Ты, кстати, не замечаешь ничего необычного? – Он кивнул на разбросанные по дороге тела. – Это не вермахт, Леха. Чуешь разницу между вермахтом и СС?

Он и сам сообразил, что не вермахт. Давно уже ворочалось беспокойство в груди. Те самые, призванные наводить ужас. «Schutzstaffel». «Эскадрильей прикрытия» когда-то величались. Создавались, как охранные отряды НСДАП – личное войско фюрера. А теперь – и войска, и спецслужба, и госструктура, и религиозно-мистический рыцарский орден... Солдаты вермахта носили темно-зеленые воротники. В Ваффен-СС преобладали серые. У армейцев на пряжках ремня был выбит прусский девиз: «Gott Mit UNS» – «С нами Бог». У солдат элитных войск – «Meine Ehre Heibt Ureue» – «Моя честь называется верность». Эсэсовцы на правой стороне воротника носили петлицы с изображением двух рун. Мертвые вояки так и делали. У офицеров в петлицах и на кокардах – значки в виде черепа. «Твою мать, – похолодел Зорин, – Мертвая голова». А наши-то не знают! По устаревшим разведанным, на этом участке фронта не было элитных частей, только 29-я мотопехотная дивизия вермахта, входящая в группу армий «Северная Украина». Ее изрядно потрепали под Житомиром и перебросили сюда – западнее Калиничей...

– Живо в грузовик, – приказал он, – и этих викингов тоже. Дорохов – за руль. Долго до развилки? – уставился на Мишку. – Метров восемьсот, говоришь?

Дорога в южном направлении, потом направо – на запад. Все понимали – тарарам не останется без внимания, облава прибывает, но станут ли их искать на западе? Кузов бросало из стороны в сторону. А за развилкой дорога сделалась вообще ужасной. Ветки скребли по бортам, машина с трудом переползала глубокие рытвины. Куда вела дорога – только богу ведомо. Пленные катались по полу, мычали, роскошные мундиры покрывались грязью. Уже проехали километра четыре. Достаточно. Зорин застучал по кабине. Дорога превращалась во что-то непотребное – по такой и танк не пройдет. Бросили машину, поволокли добычу в лес – примерно на юг. Листвянский бежал последним, разбрасывая перец из полотняного мешочка – чистая перестраховка, но кто его знает? Меньше всего хотелось связываться с безумными немецкими овчарками. Несколько раз меняли направление, петляли, как зайцы. Пленные задыхались, их пинали, толкали прикладами. Всё, привал. Попадали без сил в пока- том ложке, несколько минут приводили в порядок дыхалку.

Отдышавшись, Зорин расстегнул планшет, расправил карту. Стал возить по ней огрызком карандаша, пытаясь высчитать, в какой квадрат занесло разведгруппу. Обширный участок лесистой местности между Константиновкой, Хмелевкой и Чудным. Еще не Западная Украина, но где-то рядом. Расположение полка – на востоке, чуть западнее Калиничей. В Калиничах штаб дивизии. Приказ, полученный командиром разведроты капитаном Калмаковым, был довольно расплывчат: выяснить, какие силы стянуты противником на данном участке фронта. Склады, коммуникации, фортификационные сооружения. По возможности доставить в штаб информированного «языка». Готовилось наступление, но что-то смущало командование. Имелись основания полагать, что немцы готовят контрудар с целью выравнивания линии фронта, как-то уж сильно выпятившейся в районе Калиничей. «Ты уж посерьезнее там, Алексей, – хмурясь, напутствовал Калмаков. – Три дня – и бегом назад». «А вдруг не успеем за три дня, товарищ капитан?» – резонно возражал Зорин. «А не успеешь – сам решаешь, – пожимал плечами нормальный, но временами нестерпимо импульсивный комроты. – Трибунал дивизии – в Калиничах. Сам дойдешь или машину прислать? Шучу я, Алексей, понимаю, все зависит от случая, но попробуй втолковать это нашим умным штабным головам. Они понятия не имеют, что творится на местах. Смотри сюда. – Он расправил карту в свете „летучей мыши“. – Маршрут вашей группы составлял майор Глахотный из разведотдела дивизии. Идете вот здесь, лесным массивом, возвращаетесь через Бурмистрово и Корюжевку – желательнее ночью. Не ошибетесь – там мостик через переплююку. Немецкие позиции обрываются вот здесь, перед полем. В этом лесу вас подхватят и подстреляют ребята из взвода Архипова. Будут сидеть, пока вы не появитесь. Но сильно не тяни. Не станут же откладывать наступление по вашей милости, сержант Зорин?» – «Почему такой заковыристый маршрут? – недоумевал Зорин. – Зачем возвращаться через Бурмистрово и Корюжевку?» – «Не мной придумано, сержант, – огрызнулся Калмаков, – сам недоволен этой петлей. Но Глахотный уверен, что именно так вы охватите нужный нам участок местности. Это приказ, Зорин, выполняй, тебе не все ли равно?»

Уже два дня группа из пяти человек бродяжила по украинским лесам. Многие настаивали, многие вызывали недоумение. В лесах долговременных позиций практически не было. Гарнизоны стояли в деревнях, но как-то не были они похожи на ударные наступательные группировки. Однажды, впрочем, нарвались на замаскированную батарею самоходных артиллерийских установок, охраняемую взводом громил. Отметили «крестиком» колонну грузовиков, ползущую в сторону Константиновки, а на окраине села разглядели замаскированные среди хлебов и амбаров пятнистые «тигры». Уже тогда Зорин сделал зарубку – «тигры» в регулярной армии применяются не часто. Танковые дивизии вермахта комплек-

туются в подавляющей массе танками среднего класса «пантера», а «тигры», а тем более, «королевские тигры» стоят на вооружении в войсках СС...

– Обмочился, бедненький, – сообщил Цыгайло и отполз подальше от толстяка, у которого на штанах расплывалось большое многозначительное пятно. Он часто и слабо икал, смотрел плачущими глазками. Лежащий рядом коллега посматривал на него с презрением.

– Дыши теперь тут, – проворчал Дорохов и тоже переполз. – Хорошо еще, что не обделался.

– Кто сказал, что не обделался? – Вершинин потянул носом и включил задний привод.

– Мужики, я тоже сейчас обделаюсь... – заныл молодой Листвянский. – В засаде делать было нечего, ягод зеленых объелся. Вроде нормально всё было. А сейчас как вспучило... Прощайте, мужики, не поминайте лихом... – Листвянский подхватил автомат и потащился с видом тяжелораненого в ближайšie заросли.

– Твою мать, – вздохнул Вершинин.

– Не наедаемся, – проворчал Дорохов.

– Это ерунда, – прогудел Цыгайло. – Меня в засаде клещ в бочину цапнул. Лежу, а он, гадина... Ножом его кое-как выковырял.

– Это был фашистский клещ, – пробормотал Дорохов. – Ты убил его?

– Да куда там. Твердый, зараза. Даже не знаю, всего ли выдавил. И что теперь...

– Безвредные они, – напомнил Вершинин. – Сифилис не разносят. Спи спокойно.

Зорин задумчиво перебирал офицерские книжки пленных фашистов. Принадлежность «задержанных» к СС уже не обсуждалась. Худой – штандартенфюрер Пауль Вейссер – что-то вроде полковника. Толстяк – штурмбанфюрер Хайнц Ланге – стало быть, майор. Добыча знатная. Вот только в папочке у Ланге были лишь листы чистой бумаги – похоже, на совещание ехали. Заткнув нос, он подобрался поближе, вытащил кляп из глотки майора. Тот надрывно закашлялся, захрипел на языке Шиллера и Гете:

– Не убивайте, я все расскажу, я всё знаю...

Замычал второй. Подумав, Зорин и этого избавил от затычки.

– Ланге, не вздумайте ничего говорить этим русским свиньям... – захрипел, проглотивая слова, Вейссер. – Это секретная информация. Вы же офицер, черт возьми, вы давали присягу... Умрите с честью, Ланге...

– Да идите вы к черту, Вейссер... – дергался толстяк. – У меня две дочери... я вообще не строевой офицер, я связист, у меня гражданский диплом... Я, в отличие от вас, всего лишь год в СС и никогда не испытывал особой любви к этой вашей организации...

«Неплохо», – подумал Зорин, не выдавая до нужного момента своего знания немецкого.

– Конфликтуют парни? – миролюбиво поинтересовался Цыгайло.

– Вроде того, – отозвался Зорин. – Один упертый, другой согласен говорить.

– В расход упертого? – равнодушно предложил Дорохов. – А то ведь усостит коллегу. Да и второй после экзекуции разговорчивее будет.

– Можно, – согласился Зорин и вынул ГТ-33, отвел затвор. Времени в обрез, а уламыывать этого гордого представителя арийской расы... Вейссера не впечатлил нацеленный в лоб пистолет. Он зашипел, как гадюка, начал извиваться, ругаться последними немецкими словами, плюнул Зорину в лицо, но не попал. Видит бог, Зорин бы выстрелил – хотя и не любил стрелять по безоружным. Палец уже напрягся на спусковом крючке...

– Да ладно вам, товарищ сержант, грех на душу брать, – проворчал Дорохов, вынимая из ножен широкий обоюдоострый кинжал, – сам с ним разберусь – по-тихому, по-семейному, да и не здесь – чего же гадить-то в нашем уютном кругу.

Он сцапал Вейссера за воротник и поволок наверх. Эсэсовец сопротивлялся, рыл носками землю, шипел неласковые выражения – причем из-за скудности ругательных идиом в

немецком языке начал уже повторяться. Дорохов всадил ему в брюхо нож – по самую рукоять, провернул, подождал, пока отмучается, вытащил лезвие. Мертвый штандартенфюрер свалился под ноги выбирающемуся из кустов Листвянскому.

– Ну, спасибо! – всплеснул руками боец. – Своего дерьма мне мало. Целого штандартенфюрера замочили. Где мы их брать-то будем?

– Еще один имеется, – проворчал Зорин. – Итак, герр Ланге, – перешел он на немецкий, – приступаем к интимно-доверительным беседам?

Ланге позеленел от ужаса и начал болтать так, что заслушались даже те, кто не знал немецкого. Подтверждались опасения. Двадцать девятую пехотную дивизию вермахта передислоцировали южнее, а позиции напротив 45-й стрелковой дивизии 3-й армии 1-го Украинского фронта западнее Константиновки занимала полностью укомплектованная танковая дивизия Ваффен-СС под командованием бригаденфюрера Отто Вольтке. Три танковых полка – с «тиграми» на вооружении. Шестнадцать мотопехотных рот, саперный батальон, рота мостоукладчиков, зенитный батальон, батальон снабжения, батарея самоходных артиллерийских установок «фердинанд», а также минометный дивизион, вооруженный ракетными установками «небельверфер» на полугусеничном ходу. И самое скверное, что о дате наступления советских войск досконально известно, а завтра в расположении дивизии ожидалось прибытие парашютного батальона СС – для проведения некоей секретной и особо ответственной миссии.

– Вот так замес... – бормотал, прослушав перевод, побледневший Вершинин. – Это что же получается, парни, они ударить по нашим собрались? Да такая махина нашу дохлую дивизию сожрет и не подавится.

– А где это вы так по-немецки насобачились, товарищ сержант? – поинтересовался Листвянский.

– С сорок первого учу, – объяснил Зорин, – по первоисточникам.

Вершинин засмеялся. А Ланге одолел словесный понос. Он болтал без остановки. О том, что линия фронта очень неустойчивая, войска постоянно передислоцируют – в связи с каким-то приказом фюрера, не желающего терять хотя бы Западную Украину. Что южнее участок фронта занимает двадцать девятая дивизия вермахта, а севернее – несколько гренадерских батальонов и полк люфтваффе, который вроде как должен координировать свои действия с войсковыми частями и дивизией СС. А на три часа дня запланировано совещание в штабе бригаденфюрера Вольтке, куда они, собственно, и направлялись. Их будут искать, а, не найдя, обязательно примут какие-нибудь меры...

– Он может еще успеть, – ухмыльнулся Вершинин, глянув на часы.

Зорин торопливо размышлял. Примут меры – это непременно. Но не факт, что свернут наступление или станут форсировать события. Он не был профаном по части специфики действий немецких войск на данном историческом этапе. Не секрет, что удачи наступательных операций Советской армии в первой половине 44-го года – не только следствие гениального руководства товарища Сталина и Ставки Верховного главнокомандования, и не исключительно результат мужества советских солдат. Имеются и другие причины. Основная – отсутствие координации между частями и соединениями германских войск. Та же пехотная дивизия получает приказы из штаба сухопутных сил. Бригаденфюрер Вольтке – от рейхсфюрера СС Гимmlера. Руководство полка люфтваффе – от сиятельного шефа Геринга, который не выезжает из Берлина. Какая тут координация, если Геринг забивает косячок у себя на вилле и связаться с ним никак не возможно (извольте подождать), а Гимmlер, скажем, у любовницы? Части просто отказываются выступать без высокого распоряжения, нет согласия в большой семье, где каждый тянет на себя одеяло и втайне желает поражения своему партайгеноссе. Пока наступали – как-то договаривались, а после перелома в сорок третьем, когда неудержимо покатались обратно...

– Ну что, командир, прикончим засранца? – предложил Дорохов после того, как Ланге выдохся. – Вроде все рассказал, нового не придумает.

– Нельзя, – покачал головой Зорин, – языка хотят в штабе. Одно дело – мы с вами напоем, совсем другое – большой немецкий чин. Кому больше доверия? («Что-то тебя заносит, – подумал он. – Пришьют когда-нибудь антисоветчину».) Так что хватаем герра Ланге и тащим на себе за тридевять земель.

– Пусть хоть помоемся, – предложил Цыгайло. – Не нанимались мы тут все это нюхать.

Пленный вслушивался в интонации их голосов, переводил испуганные глаза с одного на другого. «Не хочет умирать, – подумал Зорин. – Ну как же, мы не любим СС, у нас две дочери. А сколько русских дочерей вы, суки, уже загубили?!»

– Жалко, я бы прикончил, – опечалился Дорохов. – Ненавижу этих тварей. Ладно вермахт – все понятно, враги, но люди подневольные, мобилизованные. А СС, как известно, дело добровольное...

– Уже нет, – напомнил Зорин. – А вот раньше действительно – только добровольные, сознательные, высокие арийцы, без примесей – и чтобы обязательно знали свою родословную до пятого колена.

– В сорок первом было добровольным... Я бы этих тварей за один лишь Бабий Яр – всех, под корень... – Дорохов сжал кулаки, уставился с ненавистью на пленного, который под таким моральным давлением снова начал ерзать.

– А что у нас в Бабьем Яре? – сглотнув, спросил молодой Листвянский.

– Район такой в Киеве. Между Лукьяновкой и Сырцом. Овраги там здоровые, метров двадцать – двадцать пять глубиной. Как фрицы взяли Киев в сентябре сорок первого, ни дня не было, чтобы в Бабьем Яре кого-нибудь не расстреливали. Мне сестра рассказывала, она всю оккупацию в Киеве прожила... Айнзатцгруппа «С» доктора Раше, в составе зондеркоманды штандартенфюрера Пауля Блобеля. На всю жизнь запомню эти имена... Мать лежала в психиатрической клинике имени Павлова. Всех пациентов, около тысячи, расстреляли первым делом. А потом понеслось – киевских евреев извели вчистую, матросов Пинской флотилии, цыган, пленных солдат, коммунистов, комсомольцев, подпольщиков... Оуновцев – и тех стреляли. Укладывали трупы в несколько слоев, землей слегка засыпали и снова стреляли. И так два года. Музыка в Бабьем Яру постоянно играла, и самолет кружил, чтобы выстрелы не слышали... Наши об этом не сообщали, но люди рассказывают, что там людей поубивали тыщ сто – в одном лишь овраге... – У Дорохова костяшки пальцев побелели от волнения. – Я сам-то не хохол, из Самары... ну, в смысле, из Куйбышева, а в Киеве мать с сестрой жили. Наташка выжила, встречались, когда в Киеве в декабре стояли, а мать не нашли. Как ее найдешь – там экскаватором рыть нужно...

Дорога предстояла неблизкая, верст пятнадцать – по лесу, с редкими выходами на дороги. Зорин спешил, скорость на пересеченной местности минимальная, к рассвету бы добраться. Четыре километра на север, перебежали дорогу (сверился с картой – все в порядке), задумчиво посмотрели, как грузовые машины и грязно-серые броневики тянут в восточном направлении батарею гаубиц. И снова лес – без конца, без края. Никто не роптал, а самочувствие пленного штурмбанфюрера людей не волновало. Ему связали руки в запястьях перед туловищем, вынули кляп, и Зорин доверительно сообщил, что если станет отставать, то бить его будут долго и счастливо. А предпримет попытку к бегству или станет орать в не самый подходящий момент, то отправят к герру Вейссеру, а для начала отобьют хорошенько почки – они ведь и так у вас не вполне здоровы, герр Ланге?

На привале давились сухим пайком, курили махорку, перемешанную с галетными крошками, окутывали поляну едким дымом. Курили все – в роте капитана Калмакова неку-

рящих извели как класс. Немец вытягивал шею, хлопал глазами, намекая, что и он бы что-нибудь поел.

– Ладно, жри, басурманин, – сунул ему Зорин расковыренную ножом банку с недоеденным судаком в томатном соусе. – Справишься со связанными руками?

Немец справился – молотил так, что за ушами трещало.

– Вот что делает с людьми прогулка на свежем воздухе, – ухмылялся Вершинин. – Привыкай, немчура, долго тебе теперь судака трескать. Посмотрите, мужики, на это ничтожество. Ни гонора, ни спеси, зашуганное животное – и ведь все они такие, если за горло взять. И куда пропадает их истинно романская гордость?

Зорин предпочитал помалкивать. Пауль Вейссер был не таким. Кабы все фрицы были, как Ланге, немецкая армия никогда не дошла бы до Волги и не топталась под стенами Кремля.

Теперь без приключений, решил Зорин и повел разведчиков на восток. Несколько часов продирались через залежи бурелома, перехлесты кустарников, подлеска, поваленных деревьев, топтали заросли крапивы, опасливо обходили скопления борщевиков, похожих на марсиан из романа Герберта Уэллса. Замаячил просвет, присели. Лес кончался густым мелким осинником. Вершинин побежал на разведку, сообщил, что все нормально. Но когда пошли, он уже летел назад со страшными глазами. Залегли на опушке, «языку» заткнули рот.

С покатога холма спускалась цепочка солдат. Охватить весь лес облава не могла (да и не больно-то хотелось), прочесывали открытую местность – искали там, где светлее. Прошли совсем рядом, смеялись, беседовали. При полной амуниции, в касках, увешанные подсумками с боеприпасами. Поскрипывала кожаная обувь. Серые воротники, эсэсовские молнии в петлицах – давно не виделись, господа...

Их было около взвода. Возглавлял подразделение молодой унтерштурмфюрер – щеголеватый, осанистый. Он шел на шесть шагов впереди шеренги, весь такой красавчик, независимый, самодовольный, явно не нюхавший пороху, но уверенный, что знает, что такое война. «Из тыла недавно прибыл», – подумал Зорин.

– Ну и рожа, – шепнул в кулак Вершинин. – Не пули, так кирпичи точно просит.

Покорно ждали, пока солдаты спустятся с холма, взберутся на следующий и пропадут за косогором. По сигналу перебежали открытый участок, влетели в чащу. Усадили Ланге на пенек, сели в кружок, оперативно перекурили. А через час завязли в болоте. Пришлось включать попятную, обходить. Тащились в колонну по одному по высоким камышам, прощупывали землю, прежде чем ступить. «У нас тут что, операция „Болотный утопленник“? – брюзжал Вершинин. И вдруг совсем рядом, во встающем над лесом тумане, послышалась немецкая речь! Как топором по ушам! Повалились в гнилую жижу, затаили дыхание. Последним повалился Ланге – получив сердитого пенделя. Он лежал на животе, царапал носом землю, было видно, как эсэсовца терзают дикие противоречия. Зорин показал ему кулак и провел пальцем по горлу, а для убедительности извлек нож и продемонстрировал. Немец выкатил глаза, застыл с открытым ртом. За болотом проходила дорога, размеренно гудел мотор, а немцы были так близко, что если подняться и плюнуть, то можно было попасть. Терпеливо изображали кочки. Соваться в камыши фашистам не хотелось, они топтались у обочины, лениво переговаривались. Ничего стратегически ценного в беседе не было. Простой солдатский треп. Некий Курт жаловался на скверную работу полевой почты – письмо из Нюрнберга тащилось целых восемь дней! Собеседник спрашивал, как погода в Нюрнберге. Курт отвечал, что на погоду жаловаться грешно, в фатерлянде не бывает плохой погоды. Магда довела до ума лужайку под домом, с детьми занимается гувернантка фрау Цибель, вот только у Оскара, возможно, неприятности – в следующем месяце он заканчивает Брауншвейгское училище СС, и ходят упорные слухи, что весь выпуск в полном составе отправят на Восточный фронт. Но, может, еще обойдется.

Мучительно долго тянулись минуты. Вопила в болоте какая-то дурная выпь. По поводу птицы солдаты тоже пошутили. Взревел мотор, немцы забрались в бронемашину и уехали. Воцарилась тишина, даже птица с дурным голосом перестала орать.

– Ну, вот, ничего и не страшно, – пробормотал Зорин.

Поднимались, старательно матерясь, отряхивались. Лишь Листвянский с какой-то кислой физиономией сидел на коленях. Шарил рукой по траве. В другой руке он зажимал вместе с рычагом гранату РГД, которую однажды уже пытался взорвать.

– Опять ты, Саня, за свое, – упрекнул Зорин.

– Так я же на всякий случай, товарищ сержант, – прошептал боец. – А вдруг заметили бы нас, что тогда?

– Молодец, – похвалил Вершинин, – не растерялся. И немцев бы разнесло, и нас. Вставляй обратно чеку и пошли.

– Да не знаю я, где чека, – пробормотал и покраснел как маков цвет боец. – Вроде тут была, не могу найти, выронил, наверное...

– Ну, итить твою налево! – всплеснул руками Дорохов. – А голову ты случайно не выронил?

Ситуация складывалась пикантная. В последующие несколько минут бойцы ползали по траве, пахали носом землю, выискивая двойной кусочек проволоки, похожий на женскую шпильку для волос. А Листвянский сидел на коленях с миной библейского великомученика и побелевшими пальцами сжимал рычаг, предохраняющий боек от удара по капсулю.

– Ты зачем это сделал, чудо? – шипел Вершинин.

– А я знал? – отбивался Листвянский. – Думал, точно брошу – они же вот, совсем рядом были... Вроде в руке держал, а потом уже нет... Я всю траву вокруг обшарил...

– И что теперь? – ехидно прищурившись, спросил Вершинин.

– А пусть сидит, – махнув рукой, предложил Цыгайло, – а мы пойдем.

– И сколько я так просижу? – уныло пробормотал Листвянский. – У меня уже пальцы затекли.

– Минут пять просидишь, – подумав, сказал Дорохов. – А потом взрываешься, мы уже далеко будем.

– Может, бросим, а? – жалобно протянул Листвянский.

– И думать не смей, – запретил Зорин. – Вся немчуря в округе сбежится, вот тогда и повоюем.

Все замолчали и выжидающе уставились на командира – может, у отца родного имеются светлые мысли? Зорин пытался сообразить, имеется ли замена составной части боекомплекта. Булавка с иглой не подойдут, проволока сгодится не любая. Но тут герр Ланге начал проявлять признаки беспокойства, завозился, закричал и начал тыкать куда-то подбородком. Все недоуменно уставились на него – дара речи лишился в битве противоречий? Проследили за его взглядом. Вершинин подпрыгнул и, радостно улюлюкая, куда-то пополз. Вернулся с пропащей чекой, сунул оторопевшему Листвянскому.

– Ну ты и забросил. Хорошо, что на кочку упала. Ох, раззява...

– Стыдно, бойцы, стыдно, – заулыбался Зорин, – презренный фриц оказался наблюдательнее и ответственнее, чем куча опытных разведчиков. Позор, солдаты. А вам, герр Ланге, – он хлопнул по плечу втянувшего голову в плечи немца, – выношу благодарность перед строем и премирую дополнительной банкой судака. Вы у нас отныне почетный пленник. Закройте, пожалуйста, рот, а то пиявка заползет. А Листвянский больше не ест.

Дорога вдоль болота на карте, как ни странно, значилась. Зорин тихо радовался – до линии фронта, представляющей загогулистую, а где-то весьма условную линию, оставалось немного. До наступления темноты они обошли усыпанную старыми пнями полянку, небольшую деревню, где визжал поросенок, ржали немцы и кони, визгливо смеялись женщины,

и над всем этим мракобесием царил нестройный оркестр из губных гармошек. Из деревни ощутимо тянуло дымком и жареным мясом.

– Зайдем на минутку? – в шутку предложил Цыгайло. – А то у меня от этих консервов уже кишки узлом. А у фрицев весело, девочки, поросенок поспевает – с лучком, чесноком...

Темнело. Скапливались вечерние тени. Проглядывали контуры водонапорной башни – значит, совхоз. Мастерские МТС (машинно-тракторной станции). За деревней наткнулись на затянутую маскировочной сетью батарею «фердинандов» – «истребителей танков». Здесь все было серьезно – огневые точки, блиндажи, пулеметные гнезда, разветвленная сеть переходов между окопами. Судя по всему, это и было Бурмистрово. Батарею охраняло не меньше взвода солдат. Справившись с соблазном закидать их гранатами, разведчики юркнули в лес. Местность менялась – лес уже не составлял преобладающую часть ландшафта. Ползли, крались, перебежали, толкая в спину «языка», который никак не хотел осваивать особенности скрытого передвижения по пересеченной местности. Напряженно вглядывались в тяжелую тьму. В ложбинке между покатыми холмами была еще одна деревенька, занятая немцами. Контуры хаток – словно рослые скирды сена. Приглушенно гудел генератор, доносилась немецкая речь. Зорин практически не сомневался – это и есть Корюжевка. Но все-таки требовались уточнения. «Спросили» у часового на околице, обрисовавшегося в белесовато-мутной мгле. Тот охотно подсказал «ночным прохожим» – да, это Корюжевка, передовой рубеж, здесь стоит второй мотострелковый батальон третьего механизированного полка двадцать девятой мотопехотной дивизии, а Ваффен-СС в этой местности уже нет. За холмом никакой колючей проволоки, прожекторных установок – поскольку русских войск, по данным разведки, там тоже нет. А завтра и второго мотострелкового батальона не будет – получен приказ рано утром сниматься с занимаемых позиций и передислоцироваться юго-западнее...

Он просил не убивать его, ссылаясь на любимую жену в Дрездене, мелкого сына в грязных штанишках. Уверял, что война должна вестись по общепринятым нормам, а не диким образом, ведь мы живем в цивилизованном мире, где всякий военнопленный имеет права...

– Чего он там мырчал? – не понял Цыгайло.

– Даже переводить не хочется, – буркнул Зорин, вытер нож о траву и махнул рукой.

Полтора километра по какой-то клочковато заросшей местности, проход между холмами. Над полем стелилась голубовато-призрачная мгла. Расплывалась горбатина далекого леса. Всё такое непрочное, зыбкое, опасное. Он точно помнил, как шевелились сомнения, когда он смотрел на это поле, украшенное островками кустарника. Сто пятьдесят метров, а за ними лес. Там уже наши. Какая-то мысль – сверлящая, назойливая, как комар. Было время все обдумать, оценить, но разведчики газовали от нетерпения, да и самому, если честно, хотелось побыстрее оказаться у своих – тут идти-то...

– Рассыпаться, – приказал он, – кучей не валим. И шустро через поле...

В какой-то миг он выпустил из вида своих ребят. Поле заросло глухим бурьяном, исполосовано рытвинами, кочками. Ногу подвернул – надо же, какой неуклюжий! Поднялся, побежал, прихрамывая, догоняя своих. Слева Цыгайло подталкивал в спину пленного, а тот по мере удаления от позиций немецких войск становился каким-то нервным, плохо управляемым. Еще левее – Дорохов – вырвался вперед, двигался боком, оглядывался, поторапливал. Справа Мишка Вершинин, еще правее растяпа Листвянский. Екнуло в груди, когда он пробежал мимо рваной ямы, с краями, заросшими свежей травой, споткнулся о каску – откуда здесь, скажите на милость, каска? Обратил внимание на странный бугорок в траве, притормозил, всмотрелся – да это же разложившийся труп в советской шинели!

В этот момент все и взорвалось! Оглушительный хлопок, и там, где был Дорохов, расцвел оранжевый куст пламени. Зорин повалился в борозду – это и спасло ему жизнь. Закричал, как ишак, пленный Ланге, оттолкнул Цыгайло, побежал куда глаза глядят. Цыгайло

бросился ловить, наступил на мину... От второго взрыва заложило уши. Зорина вырвало, разноцветные круги заплясали перед глазами.

– Товарищ сержант!!! – истошно вопил Листвянский. – Вы куда нас завели, это минное поле!!! – Он бросился бежать в обратную сторону. Что же он делает, идиот? Беги по собственным следам, а не по диагонали! Третий куст расцвел – и Листвянский взлетел, махая руками – или часть Листвянского взлетела...

Зорин стонал от бессилия, стал откатываться назад, добрался до воронки, заросшей травой, скатился в нее. А в следующее мгновение ему на голову сверзился Вершинин – обезумевший от страха, злости, схватил Зорина за грудки.

– Ты куда нас завел, Сусанин?! Все мертвы! Это и есть твой верный путь отхода?!

– Отцепись... – Зорин с силой оторвал его от себя, – не я писал нам путь отхода...

– А кто, твою мать?.. – Вершинин отпал, схватился за голову. И тут Зорин услышал стон. Приподнялся. Пополз, прощупывая землю перед собой. Как бы ни закапывали мины, а колпак детонатора все равно торчать обязан.

– Леха, ты куда, жить надоело? – сдавленно шипел в спину Мишка.

Цыгаило разорвало практически пополам. Он повалился на немца и буквально закрыл его своим телом. И все равно эсэсовцу досталось – стонал, катался по земле, как муха, которую плохо пришлепнули. Зорин склонился над ним. Немец не мог говорить, беззвучно распахивал и закрывал рот, держался за низ живота. Руки в крови. Осколок мины попал в живот. И долго живут с такими ранениями, если не оказать своевременную помощь? На умирающего герр Ланге вроде не тянул, но кто его знает? Зорин схватил пострадавшего за шиворот, поволок. Немец не упирался, но тащить одному такое несчастье – это надо быть Иваном Поддубным...

– Леха, ты что, офонарел? – шипел Вершинин. – Куда ты тащишь эту мразь? Брось ее, пусть подышает...

– Мишка, дурак, тебя, видать, основательно контузило!.. – рычал Зорин. – Под трибунал захотелось? Забыл, чем светит невыполнение задания? Дело провалили, ребят потеряли, да еще и на минное поле погулять вышли! Думаешь, докажем, что мы ни в чем не виноваты? Меня расстреляют, тебя в штрафроту, и провоюешь ты в ней ровно три часа, если в первый же час не повезет... Закрой варежку, Мишка, помоги эту тушу вытащить. Да понежнее с ним...

Они волокли эту мычащую корову, отдуваясь, переругиваясь исключительно матом. Вернулись на исходную, а на западе ночное небо уже полосовали стрелы осветительных ракет, расцветали белые шары, рассыпались, озаряя местность мертвенно-бледным свечением. Немецких позиций в этой местности не было, разве что отдельные дозоры, они и посылали в небо ракеты. Слитные трели автоматов – стреляли не в пустоту, пули промчались рядом, как перепела – фррр. Подхватили вялое тело под мышки, побежали вдоль минного поля под защиту темнеющего на юге леса. Задыхались, ноги подкашивались, тяжелая ноша тянула к земле. Лес не приближался, а выстрелы гремели совсем близко – группа немцев бросилась на перехват. Они прибавили ходу, бежали уже на автомате. Ланге хрипло дышал, ноги волочились по земле. До леса оставалось метров семьдесят, когда очередь из автомата взбила фонтанчики под ногами. Попадали, открыли беспорядочный огонь по вспышкам света. «Шмайссеры» замолчали – залегли супостаты. Доносились отрывистые команды.

– Волоки его отсюда, Леха... – прохрипел Вершинин, – да пулей давай, без говорильни. Я прикрою. Догоню, не волнуйся... Давай помогу его тебе на загривок взгромоздить... Вот житуха райская у фрица, – пошутил напоследок Мишка, хлопая Ланге по оттопыренной заднице, – бесплатно прокатиться на хребте трижды орденоносного сержанта...

Он и не помнил, как доволоч этого упыря до леса. Рухнул на колени, стряхнул его с себя, завалился в кустарник. Звуки боя доносились словно из-под толщи земли. Трескотня

ППС путалась с трескотней немецких автоматов. Прогрели два взрыва, все стихло. Он завыл от отчаяния, стал долбить кулаком мягкую землю. Встал на колени, перевернул неподвижное тело. Испачкался в крови, брезгливо вытер руки о траву. Приложил ухо к груди фрица – вроде постукивало сердце. Взвалить эту глыбу на себя сил уже не было. Волок по земле, натываясь спиной на деревья, падал, сжимал прочный воротник эсэсовского мундира, волок дальше. Трещали сучья – кто-то рвался за ним. Он бросил фашиста, передернул затвор, поднялся, чтобы дорого продать свою жизнь. Полоснул по темноте и даже ухом не повел, когда одна из пуль рикошетом отлетела от дерева и едва не откусила ему нос.

– Леха, ты окончательно сбесился! – завопил Вершинин, выбираясь из ямы. – А ну немедленно прекрати стрелять!

– Мишка, твою мать... – Он обнимал товарища, не стесняясь слез, сжимал его так, что позвоночник трещал. – Тебя же убили, Мишка, я слышал два взрыва...

– Да перестань ты меня лапать! – Вершинин вырвался из медвежьих объятий. – Леха, уйди, ты ведешь себя как девчонка... Их всего трое было, эка невидаль, одного сразу положил. А гранаты... это я бросил. По-моему, им хватило. Пошли отсюда, Леха, фигня осталась...

Они тащили «языка», пока не подкосились ноги, пока не стало рвать от чудовищного напряжения. Их подобрала дозорная группа второго взвода разведроты под начальством сержанта Аничкина. Зорин плохо помнил, как из оврага выростали скользкие тени, светили в лицо, подставляли плечи, говорили по-русски, сильно окая. Зато отлично запомнилось, как кто-то из разведчиков опустился на колени перед пленным немцем, осмотрел его в свете фонаря и недоуменно спросил:

– Парни, а на хрена вы этого покойника тащили? Он же готов, пульса нет...

Впервые за три года он испытывал такое унижение. Затопила горячая тяжесть стыда. Товарищи по взводу встретили гробовым молчанием, Мишка Вершинин куда-то пропал, комроты Калмаков хмурил брови и старательно отворачивался.

– Не нужен нам этот «язык», товарищ капитан, – настаивал Зорин, – он рассказал все, что знал. Стало быть, фашистскому «языку» в штабе поверят, а сержанту Советской армии – хрен? Немцы готовят контрнаступление, на позиции стягиваются отборные танковые части СС, возможна заброска в тыл парашютистов из диверсионного батальона... Как же так, товарищ капитан? Я действовал строго по инструкции, мы выходили предписанным маршрутом, с живым и здоровым «языком». Откуда взялось минное поле? Не поверю, что про него не знали в штабе дивизии. Там наши уже подрывались – давно, правда...

– Не знаю, Алексей, ума не приложу, почему так вышло, – бормотал расстроенный ротный. – Это явно ошибка, ты же знаешь, какой у нас бардак. Где-то не учли, забыли, не знали, понадеялись на авось...

Информация, возможно, и ушла по назначению. Но дорогу к первому кругу ада для сержанта Алексея Зорина уже мостили. ГАЗ-64, сияющий свежей краской, – явно не из тех, что бегают от пуль по фронтовым дорогам, учтивый, лихо козыряющий лейтенант в фуражке с красным околышем. Особый отдел, Государственное управление контрразведки СМЕРШ. Шестое, следственное, отделение. Плюс второе – работа с советскими гражданами, побывавшими на оккупированной территории. Тряска в тыл по колдобистой грунтовке. Калиничи, наводненные людьми в форме и штабными «Виллисами», штаб дивизии, добротная изба без опознавательных вывесок в семидесяти метрах от штаба. Руки не заламывали, и то спасибо. Вошел, доложил о прибытии. Уверенный, спокойный, пилотка по уставу – с небольшим наклоном вперед и вправо. Украдкой огляделся. Кабинет, украшенный плакатами о неустанных происках врагов, трещина на стекле, заклеенная бумагой на картофельном клее. Оперуполномоченный отделения контрразведки старший лейтенант госбезопас-

ности Укладышев – чистенький, опрятный, с намечающейся лысиной. Перелистывал личное дело доставленного, периодически поднимая глаза на сидящего с каменной миной сержанта.

– Зорин Алексей Петрович... Год рождения – семнадцатый... хм, в знаменательный год вам посчастливилось прийти в наш мир... Родился в Новониколаевске, окончил школу в Новосибирске... Ну да, один и тот же город. А вы у нас коренной сибиряк, Алексей Петрович. Итак, окончил школу в 35-м году, закончил ФЗУ при заводе сельского машиностроения, автомобильные курсы при ДОСААФ, занимался боксом, успешная сдача норм ГТО... получено звание «Ворошиловский стрелок»... Похвально, Алексей Петрович. У вас в семье ни одного врага народа. Разве так бывает? Непорядок. Явные недоработки местных товарищей... Мать – скромная школьная учительница, отец – инженер на авиастроительном заводе, братьев и сестер нет. В 37-м году – поступление в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Факультет – «Эксплуатация железных дорог» – ну что ж, хорошая специальность, главное – нужная для военного хозяйства. Через год – чуть не отчислили за организацию массовой драки... Это нормально, Алексей Петрович, это лучше, чем за организацию троцкистского кружка или, скажем, террористической группы... В июне сорок первого закончил четвертый курс, в июле подал заявление в военкомат. Вы не мобилизованный, нет?

– Никак нет, – ответил Зорин, – была отсрочка на год, но я ею не воспользовался. Вернусь с войны – доучусь. Надеюсь.

– Похвально, Алексей Петрович, весьма похвально. Хорошая биография. И послужной список практически идеален. Безупречная служба в разведке действующей армии. Три медали – за спасение взятого в плен командира части майора Белобородько, которого впоследствии сняли с должности и репрессировали... Под Харьковом отличились летом сорок второго... Потом за рейд в составе диверсионной группы по вражеским тылам в захваченной части Сталинграда... Так я слушаю вас, Алексей Петрович, слушаю. Что вы имеете сказать по сути проваленного вами задания?

Нервотрепка продолжалась несколько часов. Зорин устал рассказывать чистую правду. Так хотелось соврать, но о чем? Как лазили по вражеским тылам, чего и сколько видели, как уничтожили фашистскую колонну и прибрали двух штабных крыс – рядовой Вершинин не даст соврать, сам в этом участвовал...

– А вы не говорите за рядового Вершинина, Алексей Петрович, – вкрадчиво сказал сотрудник особоргана, – рядовой Вершинин сам за себя ответит. Его допросят, не волнуйтесь. Говорите за себя, вас внимательно слушают.

Он понятия не имеет, почему они попали на минное поле. Маршрут движения группы прописан штабом дивизии, а конкретно – майором Глахотным, заместителем начальника оперативной части разведотдела, вот с него и надо спрашивать. А сержант Зорин сам теряется в догадках. Что за разведка такая – идти по проложенному из штаба маршруту?

– Майор Глахотный утверждает, что ничего подобного не было, его соображения носили рекомендательный характер, и меньше всего в планах штаба значилось отправлять разведгруппу на минное поле. Он считает ваши обвинения абсурдными, безосновательными и не имеющими никакого отношения к действительному положению вещей. Майор Глахотный уверен, что все это полная чушь – вашей разведгруппе была предоставлена свобода действий, и имелась лишь одна задача: выяснить обстановку в прифронтовой полосе на конкретном участке местности. О наличии минного поля в заданном квадрате оперативному отделу ничего не известно.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, – держался из последних сил Зорин, – задание дублировано командиром разведывательной роты капитаном Калмаковым. Почему бы вам с ним не поговорить?

Допрос напоминал общение двух сумасшедших.

– Сегодня утром капитан Калмаков отбыл с третьим взводом своей роты в подчинение штаба корпуса. Готовится очередная операция по заброске во вражеский тыл. Какая именно операция и где готовится – военная тайна. Когда вернется, неизвестно. Не думаю, сержант, что в ближайшие дни мы сможем поговорить с вашим непосредственным начальником.

– Товарищ старший лейтенант, но это полный бред! – вскипал Зорин. – Кто я вам – изменник Родины, трус, паникер, саботажник? В чем меня собираются обвинить – в шпионаже? В диверсионной деятельности? В распространении провокационных слухов? А самое главное – зачем вам это надо? Группа выполнила задание. Пусть частично, но выполнила. Информация о нашей работе, надеюсь, ушла по нужному адресу. Пусть проверяют – не я ее выдумал. По-вашему, я специально завел свою группу на минное поле, чтобы скрыть от командования информацию, полученную от гитлеровского офицера, которого сам же и поймал? А что я сам тогда делал на минном поле? Там, между прочим, мины взрывались... Держу пари, вы прекрасно всё понимаете, так какого же нужна эта глупая беседа?..

– Ну, хватит! – хлопнул оперативник ладонью по столу. – Вы заговариваетесь, Зорин! Попрошу не забывать, где вы находитесь!

– Виноват, – проворчал Зорин, – погорячился, простите.

– Вот так-то лучше. – Старший лейтенант госбезопасности откинулся на спинку стула и с нескрываемой насмешкой стал рассматривать злого сержанта. – А вы отчаянный малый, сержант. Отчаянный и полностью лишенный способности просчитывать последствия своих поступков.

– Я не интриган, – проворчал Зорин, – я солдат и сражаюсь за Родину.

– Забыли еще добавить: за Сталина. – Оперативник иезуитски улыбнулся.

– А это подразумевалось, – парировал Зорин. – Неразрывные понятия. Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? Скажите, пожалуйста, как долго еще будет продолжаться наша беседа? Если хотите меня арестовать – давайте. Если нет – то у меня, извините, дела.

– До особого указания можете быть свободны. – Укладышев подтолкнул сержанту протокол допроса: – Прочтите и распишитесь. Отправляйтесь в часть и продолжайте выполнять свои служебные обязанности. Но не думайте, что ваше дело спустят на тормозах. Расследование продолжится, и я не уверен, что оно закончится положительным для вас образом. Успехов вам на ратном поприще, сержант.

Зорин козырнул, четко повернулся, вышел.

Мишка Вершинин сидел во дворе управления контрразведки, нервно комкал пилотку и тарачился на две машины у детской песочницы. Джип повышенной проходимости ГАЗ-64 и его заокеанский близнец «Виллис», приобретенный по лизингу. Видимо, выискивал десять отличий. Чего их выискивать? Наши машины ни с чем не сравнятся. Мощнее, надежнее, а внешний вид и удобства – это дело буржуазное и на войне отнюдь не обязательное. Советская техника, как известно, – лучшая в мире.

– Господи, Леха, тебя отпустили... – Пот облегчения хлынул с побелевшего лба товарища. – Меня мурыжили два часа. Какой-то лейтенант Шустрин... Десять раз заставил повторить одно и то же. Как мы оказались на этом окаянном поле между Бурмистрово и Корюжевкой... Я тебя не заложил, Леха. Стоял на том, что маршрут отхода разведгруппы был передан капитану Калмакову заместителем начальника оперативной части майором Глахотным – и об этом было известно всем членам группы. Ты действовал геройски, и только благодаря тебе мы разнесли колонну и взяли в качестве «языков» двух рыл... А он давай меня терзать – какое, мол, имели право прикончить Вейссера? Полный кретин, он даже не задумался, как бы мы тащили этих горилл через линию фронта...

– Не бери в голову, Мишка, – бормотал Зорин, – обойдется. Нужно быстрее забыть об этом... Всё, поехали в часть. Помянем мужиков.

– Поехали. – Мишка с готовностью подскочил, подтянул спадающие штаны. – Кстати, Леха, с минным полем какая-то полная хрень. Лейтенант Ильясов говорил – командир третьего взвода, мужик знающий, – что об этом минном поле всем давно известно. И если в штабе говорят, что об этом не знают, то они вредители и саботажники. Эти мины еще наши устанавливали в августе сорок первого, когда отступали на этом направлении. Хотели немцев сдержать, уж больно привлекательно в оборонительном плане это «бутылочное горлышко». Зарыли мины, окопались на опушке. А немцы возьми да обойди. Целый мотострелковый батальон погиб. А месяц назад наши сами на это поле напоролись. Был приказ занять господствующие высоты, пошли через поле, ну и... откатились, а там и приказ пришел – мол, тылы еще не подтянулись, с наступлением повременить. Так и торчим тут месяц. Полная хрень, говорю, Леха. В штабе не могут быть все предатели. Но один или двое могут. О том, что майор Глахотный лично инструктировал Калмакова, штабисты могут и не знать. Калмаков на задании – готов поспорить, что к его отъезду из части Глахотный приложил старание...

Только помутнением можно объяснить дальнейшие действия Зорина. Всегда спокойный, уравновешенный, но сегодня просто бес в него вселился! Заправил гимнастерку, подтянул ремень, вернул пилотку на положенное по уставу место.

– Леха, ты куда? – ахнул в спину Вершинин. – Не дури, Леха! Это же трибунал!

Он вошел в здание штаба дивизии, находящееся в том же квартале, – на вид спокойный, деловой, козырнул спускающемуся со ступенек капитану. Раньше в этом здании была районная больница, теперь расположился штаб стрелковой дивизии. А в соседнем крыле – госпиталь для военных. На Зорина никто не обращал внимания – много тут таких ходило. Царила суета, и даже часовой на входе отвернулся, разбираясь с пропуском гражданского лица. Разведотдел с оперчастью располагались на первом этаже. Кабинет зама был третьим по счету. Он вошел и даже постучал.

– Вы куда? – привстал боец, стучащий пальцем по машинке.

– Мне назначено, – буркнул Зорин.

Майор сидел за столом и что-то писал, высунув язык от усердия. Неприятное лицо, скользкое, несимметричное, при первом же взгляде не вызывающее доверия. Поднял голову и... Зорин готов был поклясться, что в белесоватых глазах мелькнул испуг! Не знал он этого майора, так откуда же майор его знает?

– В чем дело? – Глахотный опомнился, нахмурил брови. – Какое вы имеете право, сержант...

– Товарищ сержант, – поправил Зорин. Страх в глазах начопера лишь добавил решимости. – Извиняюсь за вторжение, товарищ майор, не могли бы вы объяснить, каким образом известная вам разведгруппа оказалась на минном поле в квадрате «шестнадцать-десять»? План отхода составляли вы. О минном поле известно даже гражданским. Хотите знать мое мнение, товарищ майор? Либо вы полностью некомпетентный в своем деле работник, либо – и это значительно хуже первого – ...

– Кто дал вам право, сержант!.. – взревел майор и как-то ловко вывинтился из-за стола. Физиономия багровая, глаза трусливо бегали. – Ваше мнение здесь никому не интересно...

– Прошу прощения, товарищ майор, – вкрадчиво сказал Зорин, – но это исключительно ваше мнение, что мое мнение никому не интересно. Разрешите я продолжу?

– Молчать, сержант! Почему вы здесь? Вы должны быть в Особом отделе!

«Ах, вот как, – подумал Зорин. – И выйти на свободу из Особого отдела я уже не должен был».

Майор хлопнул себя по кобуре – пустая. Шагнул к сейфу.

– Вы понимаете, что творите, сержант?

– Признаться, с трудом, товарищ майор. – Остановиться он уже не мог, в организме все бурлило, дурная энергия рвалась наружу, сдерживающие центры не работали. – Товарищ майор, я думаю, органы разберутся, сознательно или по халатности вы отправили разведгруппу на минное поле...

Скрипнула дверца сейфа, майор обернулся, мелькнул пистолет. Зорин не собирался его бить – это уж совсем отягощать свою «вину». Но майор пристрелил бы его! Зорин знал, какое лицо у человека, когда он точно собирается стрелять. Ударил под дых – мастерски, со знанием дела. Пресса не было – рыхлый живот. Майор отлетел к окну, как футбольный мяч, согнулся, прохрипел:

– Сидоренко! Живо солдат из коменда...

Распахнулась дверь за спиной. Злобные вихри вертелись в голове. Майор не опускал пистолет, он не расстался с мыслью выстрелить. И Зорин ударил в полную силу – как учил когда-то КМС по боксу тренер Осипов Илья Евгеньевич. Отправил кулак точно в челюсть, а в голове кружились образы – смеялся Сашка Листвянский, ухмылялся добродушный Цыгайло, цинично острил угрюмый, но не злой Дорохов... Хрустнула челюсть, ослепительная боль из кулака перебралась в голову. И печальная мысль – хотел как лучше, да забыл, где живет. Майор Глахотный взбрыкнул ногами, перелетел через подоконник, повалив попутно горшок с геранью. Стекло разлетелось вдребезги, он вывалился наружу и упал, отчаянно визжа, в куст смородины. А народу во дворе собралось немало. Шум привлек внимание. Повернули головы мирно беседующие офицеры. Выбрался из мотора сломавшегося «газика» черный от сажи и копоти шофер. Насторожились солдаты, разгружающие из полуторки тюки с бельем. Повернулись медсестрички Валенька и Женечка. С последней у Зорина была стремительная связь на сеновале (времени мало, все заняты), а с Валенькой не было связи, поскольку Валечка охраняла свою целомудренность, как Минотавр лабиринт, имела мордочку, как у обезьянки, и сильно заикалась. За спиной уже топали. Подлетели два красноармейца, заломили руки. «Что же ты сделал, глупец?» – ужаснулся внутренний голос. Он не стал сопротивляться. Поступок правильный. Но на дальнейшую судьбу уже не повлиял.

Все это было не с ним. Не могло с ним такое случиться – с боевым сержантом, беззаветно преданным Отчизне! Он словно сбоку наблюдал. Удар прикладом по загривку, и сознание захлопнулось, как книжка. Перестарался боец комендантской роты. Его куда-то везли, кузов подпрыгивал, он бился головой о торчащий болт. Очнулся в узкой клетушке на гарнизонной гауптвахте – в застенках бывшего районного отделения милиции. Очнулся на голых нарах, смотрел на зарешеченное оконце под потолком и не мог ничего вспомнить. Вспомнил – застонал, схватился за голову. «Сержант Зорин, вы обвиняетесь в покушении на жизнь ответственного армейского работника. Вам понятно обвинение? Ваше дело будет рассмотрено военным трибуналом». Он забылся тяжелым сном, а потом никак не мог вспомнить, сколько времени провел в этом сыром подвале. Кормили свекольной бульбой, в которой плавали мясные волокна. «Меню» – единое для всех. Сколько раз кормили – два, четыре? Это был какой-то страшный сон. «Зорин, на выход!» – и каменные рожи ефрейторов из комендантского взвода. Он вышел из камеры, заложив руки за спину, без ремня, без головного убора, хорошо хоть сапоги оставили...

Заседание военного трибунала 45-й стрелковой дивизии проходило в частично сохранившемся актовом зале районного дома культуры. Без всякой помпезности – стол, покрытый зеленым сукном, трое членов военного трибунала с равнодушными лицами – перед каждым стопка дел в новеньких картонных папках (дела рассматривали так быстро, что папки не успевали помяться). Напротив – подсудимый, за спиной двое надутых охранников. Дела решали поточным методом – без задержек и утомительных исследований. Полчаса на каждого обвиняемого. «Очередники» поджимали. У судей масса работы – военный трибу-

нал при дивизии имеет право выносить приговоры всем военнослужащим вплоть до командира роты. В ушах звенело, и плохо доходило, что вообще происходит. «Военный трибунал рассматривает дело в составе трех постоянных членов – майора Рябина, майора Долгопрудова и члена военного совета 45-й дивизии подполковника Проничева. Слушается дело сержанта Зорина Алексея Петровича, обвиняющегося в нанесении тяжелых увечий заместителю начальника оперативной части разведотдела дивизии майору Глахотному...»

И все по накатанной колее. Разъяснить обвиняемому сущность обвинений. Выяснить его отношение к совершенному преступлению. Выслушать показания подсудимого и его последнее слово. Посовещаться, написать приговор, объявить во всеуслышание...

– Зорин Алексей Петрович, по совокупности предъявленных вам обвинений, учитывая тяжесть содеянного и обстоятельства военного времени, вы лишаетесь воинского звания сержант, полученных наград и приговариваетесь к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Приговор трибунала окончательный и кассационному обжалованию не подлежит. Приговор вступает в законную силу с момента его провозглашения и немедленно приводится в исполнение. Зорин Алексей Петрович, вам понятен смысл судебного постановления?

В ушах звенело все громче, насыщеннее. Он надеялся, что не сильно изменился в лице. Хотя какая теперь разница? Даже кивнул – так точно, товарищ подполковник. Автоматчики повели его из зала – ноги шли, он мог дышать, хотя и не сказать, что полной грудью. А за спиной звучало:

– Слушается дело капитана интендантской службы Муромова Олега Борисовича, обвиняемого в растрате вверенного ему имущества...

А вот немедленно привести в исполнение не вышло. Решили, видимо, дожидаться окончания рабочего дня, чтобы всех разом, и не гонять ради каждого подонка расстрельную команду. Его втокнули в подвал под районным очагом культуры, где под мутной лампочкой в пыльном помещении обретались несколько таких же несчастных. Истерично хихикал чубатый паренек – погоны ему отрывали буквально с мясом, воровато косил по сторонам. Вроде затихал, а через несколько мгновений снова начинал хихикать. Сновал челноком туда-сюда и не смотрел на окружающих мрачный мужчина с офицерской осанкой. Полноватый дядька в выцветшей гимнастерке, немного похожий на покойного Цыгайло, сидел в углу на коленях и тихо молился – осенял себя щепотью, шептал что-то невразумительное.

– Нет, ты скажи, это поможет? – приставал к нему белобрысый, смертельно бледный солдатик – видимо, дезертир (а может, в бою ошалел от воя снарядов, да не в ту сторону побежал). – А что будет, если я тоже помолюсь? Ну, ты скажи, что будет? Ну, будь человеком, скажи... Я же в Бога никогда не верил, ни одной молитвы не знаю, в нашей деревне и церквито не было, но если надо, я поверю... Обойдется тогда, скажи?.. – Не дождавшись ответа, он затравленно смотрел на присутствующих. – Мужики, а как это, кто-нибудь знает? Пальнут по нам – а что дальше-то с нами будет? Мы где-нибудь окажемся, нет?.. Ну, там, в раю или еще где-нибудь...

В закрытую дверь долбился веснушчатый парень в рваной гимнастерке.

– Эй, охрана, будьте людьми, дайте закурить! Жалко вам, да? Нас кокнул, а вы папироску пожалели? Поимейте сострадание, ребята! Курить хочется – мочи нет!.. Да понимаю, что не положено, но войдите в положение, когда еще удастся покурить?..

– Да кончай ты долбиться! – раздраженно прикрикнул мужик с офицерской выправкой. – Чего разбуянился? К стенке поставят – может, и дадут пару раз дернуть. Не совсем же они звери.

– Думаешь, да? – с надеждой повернулся конопатый.

Заскрежетали запоры, втокнули еще одного страдальца – видимо, капитана интендантской службы. Закурить не дали, заперлись на все засовы. По лицу осужденного текли слезы, он стирал их кулаком вместе с соплями, моргал жалобными глазами.

– Как же так, товарищи? – всхлипывал бывший капитан. – Ведь это несправедливо, за что? Недосчитались двух обозных лошадей и пары мешков с обмундированием... За что расстреливать, объясните?.. Это уму непостижимо... Я же окуплю, покрою расходы, я же исправлюсь... – Он завыл, как волк на полную луну, забился в угол и дал волю слезам.

Зорин лег на холодный пол, забросил руки за голову. Отзвенело в ушах, он уже оправился, был почти спокоен. Каким бы ни был проходимцем (или хуже того) майор Глахотный, а приговор оправдан. Какого дьявола понесло его в оперчасть? Справедливости захотел? Майор при исполнении, а ты его под дых, да в рыло, да на глазах у всего честного народа... Всё, забыли, жизнь прошла, хрен с ней. Он закрыл глаза, приводил в порядок мысли и дыхание. Не надо думать о том, что будет после смерти. Ничего не будет. Ни войны, ни проблем. Или, как у буддистов, получит новую жизнь (будем надеяться, что человеческую, а не какого-нибудь пенька у дороги), и все по-новому – пеленки, голоштанное детство, школа. Вот об этом надо думать – он умрет, но снова родится!

И опять его обнимала Иринка Белова – ее образ был отчетливый, выпуклый, почти реальный, и ее прикосновения он чувствовал кожей. Вкус горячих губ, который вовек не забыть, сколько бы женщин ни стояло между прошлым и настоящим. Он впадал в глухую тоску всякий раз, когда о ней думал. Познакомились в июне тридцать седьмого – не самый был удачный год для романтического знакомства. Пропадали люди, шептались по углам, цепenea от страха, – об ужасных врагах народа, окопавшихся буквально везде – в каждой организации, в каждой отрасли социалистического хозяйства, в каждой сфере деятельности... Никто их в глаза не видел, этих врагов, но все верили, все боялись. Передавали из уст в уста, как увезли на «черном вороне» то директора машиностроительного завода, то парторга проектной организации – какой же он враг народа, да ни под каким углом не просматривался! То начальника автобусного парка – вместе с женой и заместителем по кадрам... Зорин был молод, наплевательски относился к жизни, не верил во всю эту «массовую» ерунду. А что касается врагов, то как же без них – возможно, где-то, иногда, в порядке большого исключения... Слегка напрягся, когда арестовали директора ФЗУ. Расстроился, когда в разгар тренировки по боксу пришли люди с петличками НКВД за его тренером – Осиповым Ильей Евгеньевичем. А наутро взяли руководителя школы спортивного мастерства, капитана местной футбольной команды. Думали, что разберутся, отпустят. Да, разобрались, но не отпустили... Жизнь текла, и в принципе, насыщенная, яркая. Трое хулиганов с папиросами в зубах пристали к девушке на пляже. Поговорил он с ними, в ухо кое-кому дал. Хороший поступок, и девушка оценила. И так запала в голову, что сам не свой стал. Отпускать не хотел ее с берега Оби. Она смеялась и на вопрос, где ее найти, сказала, что учится в институте военных инженеров транспорта. «У нас четыре девушки на потоке, – смеялась Иринка. – Конкуренция, сами понимаете, Алексей, жесточайшая». И через два месяца он поступил в этот институт. Иринка на втором курсе, Алексей на первом, хоть и старше ее на год. Конкуренты действительно летали стаями, но он уже знал, что добьется своего. И она это понимала, смирилась... И сдалась в июне сорок первого, когда готовила диплом, а ему еще год оставалось учиться, и он подумывал о том, чтобы перевестись на вечерний, а ближе к осени сыграть свадьбу...

Кабы не война, подлюка... Она писала Зорину целый год – как окончила институт, как вечерами работала на заводе, а уж этого добра в Новосибирск эвакуировали предостаточно – и всегда ее письма доходили, пусть и менялись адреса полевой почты. А потом вдруг перестали приходить. Отец писал, что ничего не знает про Иришку, уехала, мол, куда-то. С бывшими ее подругами связи не было...

Лязгнуло, распахнулась дверь.

– Всем на выход!

И застонал подвал. Забился в падучей проворовавшийся интендант (поплакать, видите ли, не дали), нервно захихикал паренек, похожий на вора, завыл солдат, так и не узнавший, есть ли жизнь после смерти. Плечистый дядька перестал молиться, глубоко вздохнул. А конопатый вроде даже обрадовался – покурить дадут. И осанистый офицер перестал терзаться мрачными думами, кивнул – мол, чему быть, того не миновать.

Потянулись страдальцы. Не желающих выходить выгоняли прикладами. Зорин встал без единой мысли в голове. Может, и лучше так – не думая о страшном?

Но на выходе его отсеки от группы. Ушли приговоренные, а Зорина вывели отдельно. Посадили в кузов – без рукоприкладства и членовредительства. Три минуты езды, секунды, как гвозди, забивались в мозг, превращались в эпохи. Дом культуры, коридор, комнатка. Канцелярист с погонами старшего лейтенанта усердно хмурил брови.

– Зорин Алексей Петрович? – Приоткрыл папку, что-то в ней подсмотрел и захлопнул. – Уполномочен вам сообщить, что изменились некоторые обстоятельства. Органами контрразведки СМЕРШ, подчиняющимися Народному комиссариату обороны, проведено расследование, и взят под стражу заместитель начальника оперативной части майор Глахотный. Ему инкриминируют участие в агентурно-подрывной деятельности и работу на германскую разведку. Имеются основания полагать, что своей деятельностью майор Глахотный нанес непоправимый вред...

– Слава богу... – выдохнул Зорин. – Товарищ старший лейтенант, я ведь давно это чувствовал... Скажите, я могу идти?

Канцелярист покосился на него как-то странно.

– С вас никто не снимает обвинений, рядовой Зорин. Вы совершили воинское преступление, предусмотренное Дисциплинарным уставом, и должны за него ответить. Уполномочен до вас довести, что высшую меру наказания решено отменить. Вы приговариваетесь к отбыванию наказания сроком на три месяца в штрафной роте. Вот постановление. Ознакомьтесь и распишитесь. Вы будете кровью искупать свою вину отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий. Отправляйтесь прямо сейчас – в распоряжение 1-й штрафной роты 45-й мотострелковой дивизии.

«Для дальнейшего прохождения службы, – подумал Зорин. – Аминь».

И с корабля на бал! Опомниться не успел, прикинуть все за и против... Штрафная рота дислоцировалась на южной окраине Калиничей. Просто «повезло», что в данный момент она находилась здесь. Роту перебросили с одного участка на другой, ждали дальнейших указаний. Постоянный состав проживал в частном секторе – командир роты капитан Кумарин, военком старший лейтенант Шалевич, командиры взводов, их замы по строевой, взводные политруки, заведующий делопроизводством, фельдшер в офицерском звании, санинструктор с санитарями, хранитель ротной печати. А переменный состав обретался в чистом поле. Десять палаток на краю оврага. Уже вечерело. Зорин только и успел откозырять мрачноватому, с белесым шрамом на виске Кумарину.

– Ну-ну, – ухмыльнулся Кумарин, разглядывая дело в папке, прибывшее вместе с осужденным. – Здоровье поправить приехал?

Раскрыть не успел – в центральной части Калиничей, откуда доставили Зорина, стали рваться мины! Капитан оттолкнул ошеломленного бойца, вывалился на крыльцо, подхватив со стола портупею с кобурой и полевой сумкой...

Позднее выяснилось, что парашютный батальон СС, приданный дивизии бригаденфюрера Вольтке, прибыл сюда не шнапс жрать. Информация, принесенная Зориным и Вершининым, переваривалась с трудом, а возможно, и вовсе не переваривалась. Десант, усиленный минометной батареей, свалился как снег на голову. И ведь знали, что в Калиничах в этот

день не будет регулярных частей! Одни штабные «крысы», наполовину укомплектованная комендантская рота, хозяйственный взвод, связисты, прочая не больно-то охочая до боевых действий публика... Штаб дивизии разгромили в считанные минуты. Погиб начальник штаба полковник Суздаев, практически все его заместители, офицеры контрразведки, секретной части, судьи военного трибунала, включая члена военсовета дивизии подполковника Проничева. Выжившие офицеры, отстреливаясь, засели в здании по соседству. Но свое черное дело диверсанты сделали. Штаб дивизии полыхал, как веселый пионерский костер.

Капитан Кумарин пытался выйти на связь со штабом. Связи не было. Бежали командиры взводов, строили роту. Солдаты выскакивали из палаток, наспех одетые, кто голый по пояс, кто в исподнем. Бряцали оружием – кто трофейным МП-40, кто отечественным ППШ, кто трехлинейкой Мосина. Примчались две пустые полуторки, шофер орал, свесившись с подножки:

– Эй, штрафники, мать вашу, штаб горит, все убиты! Капитан Туриев требует подкрепление! Фрицы отходят к лесу на западной окраине – у них документация штаба и несколько наших ребят из шифровального отдела! Сделайте, так вас растак, хоть что-нибудь!

– По машинам! – орал, срывая голос, Кумарин. – Первый взвод, второй взвод! Шалевич, командуйте своей группой! Не выпустим фрицев из Калиничей! Лузин, с третьим взводом – бегом! Перекрывать улицы Некрасова и Ленина! Заходим с трех сторон!

Зорина закружило в водовороте. Он чувствовал азарт и что-то вроде кратковременной эйфории – уж лучше, чем покойником в подвале! Оружие выдать не успели, но кого это волновало? Он плохо помнил, как очутился в кузове, набитом возбужденными штрафниками. И чем они отличались от обычных солдат? Та же форма, те же лица – молодые и не очень, неистребимый запах пота, крепкая ругань, помогающая жить и воевать.

– А ты кто такой? – буркнул молодой боец с продавленным шрамом, сползающим с черепа на лоб. Он подвинулся, освобождая место.

– Разберемся, – буркнул Зорин. – Новенький я в вашем классе. Принимаете новеньких?

– Да сколь угодно! – хохотнул солдат. – Новенькие тут долго не живут. А стареньких днем с огнем не сыщешь. Игумнов моя фамилия. Федор Игумнов. Я за пьянку, а ты?

– Да вроде как за драку...

Первая полуторка, набитая матерящимися штрафниками, помчалась по проселочной дороге в объезд села. Вторая неслась по улице Советской между двухэтажными бараками. Разбегались старики, женщины в платочках, дети, забирались в подвалы. Стая собак скакала за машиной, возбужденно гавкая. Над центром Калиничей висел тяжелый дым. Оттуда все еще доносились автоматные очереди, временами оживал крупнокалиберный пулемет. Гранатометчик в каске, обтянутой маскировочной сеткой, выпрыгнул из-за поворота, как черт из табакерки. А вот это «Панцерфауст», – машинально отметил Зорин. Водитель не спал, грязно выругался, выворачивая баранку. Машина съехала с дороги, ткнулась в фонарный столб, на котором отродясь не было фонаря, но висел суровый плакат, предупреждающий о том, что диверсант не дремлет. А ведь действительно не дремлет! Рвануло метрах в тридцати от машины. Двоих посеколо осколками, вывалились из кузова. Кто-то закричал, хватаясь за окровавленное лицо. Зорин выхватил у раненого автомат – ему уже не поможет.

– К машине! – ревел Кумарин, выскакивая из кабины. – Рассыпаться по улице! Вперед, к штабу!

Люди, охваченные возбуждением, бежали по улице. Трещали выстрелы. Зорин видел, как пятились фигурки в защитных мешковатых комбинезонах, стреляли прицельными очередями. Падали штрафники – то один вываливался из толпы, то другой, то третий. Он залег на тротуаре, разбросав ноги, ловил в перекрестие прицела перебегающие фигурки. Плавню нажал на спуск – гитлеровец выронил автомат, винтом ушел в землю. Второй схватил раненого за воротник, начал оттащить и повалился – пуля пробила каску.

– Загораешь, новичок? – рядом пристроился Игумнов, засыпанный кирпичной пылью и известкой, перевернул затвор карабина – укороченной винтовки Мосина-Нагана.

Он вовремя прилег – взрыв прогремел шагах в сорока. Выбило остатки тротуарной плитки, посыпались разбитые стекла, с треском вывалилась оконная рама. Несколько солдат свалило осколками. Кто-то выл, перебирая ногами – в животе зияла огромная дыра и оттуда что-то выползло – густое, серое, тошнотворное...

– Сеньку Рыбакова убили, тьфу ты, – сплюнул Игумнов. – Месяц ему давали, завтра бы уже освободился...

– Смотри, – Зорин ткнул подбородком вверх. – Это что, пожарная вышка?

– Уж точно не маяк, – ухмыльнулся Игумнов, щурясь из-под ладони на заходящее солнце. Слева за бараками возвышалось долговязое дощатое сооружение. Никому еще не пришла идея туда забраться. Капитан Кумарин сидел за углом, обнимая водосточную трубу, стрелял из табельного ТТ и зычным матом подгонял солдат. Атака захлебнулась. Улица простреливалась насквозь. К автоматным очередям добавилась трескотня пулемета МГ-13, весьма популярного у солдат вермахта и СС.

– Идешь со мной? – бросил Зорин, перекатываясь на проезжую часть. Спрятался за трупом – солдат лежал оскаленный, запрокинув непокрытую голову.

– Ну, пошли, прогуляемся... – Игумнов покатился за ним, увертываясь от пуль, подхватил ручной пулемет Дегтярева с плоским дисковым магазином – пулеметчик сидел, привалившись к бордюру, собирал кровь из горла в подол гимнастерки. Зорин подхватил сумку с дисками, рыбкой нырнул в полумертвый кустарник, доживающий свой век на обочине.

– Товарищ капитан, мы на вышку!

Кумарин резко обернулся, кивнул. То ли ранили командира – с нижней губы струйкой стекала кровь, то ли сам от злости прокусил. Зорин с Игумновым нырнули в узкий проулок. С ними увязались еще двое – был и третий, но упал, схватился за простреленную ногу...

Они карабкались по шаткой лестнице, подсаживая друг дружку, торопились, выражались. Прятались в переплетениях лестниц и бревенчатых простенков, гнездились на уязвимой позиции. Вид с пожарной вышки открывался далекий от совершенства и какой-то унылый. Районный центр был сравнительно компактен. В центре Калиничей горело уже не одно, а несколько строений. Удушливый дым стелился над поселком. Советская улица, по которой рвались к штабу бойцы Кумарина, просматривалась лишь частично. Штрафная рота на этом участке несла большие потери. Двигаться в полный рост было полным безумием, бойцы перебежали от дома к дому, прятались за деревьями, стреляли с колена. Диверсанты отходили, поняв, что на этом участке им не прорваться. Пеший взвод закончил марш-бросок и вышел на позиции: на севере и северо-востоке, за дымовой завесой, разгорелась ожесточенная стрельба – диверсантов, пытающихся выбраться из поселка, встретили наспех одетые штрафники.

Часть десанта пыталась пробиться через западную околицу села. С пожарной вышки все прекрасно было видно. По прямой здесь было метров триста. Широкое поле, изрезанное канавами и заросшее бурьяном, покосившийся плетень, сараи, амбары, соломенные крыши беленых известью хат. Между околицей и лесом, в котором запросто мог затеряться не один диверсионный отряд, петляла перепаханная дорога. Полуторка с разгона въехала в рытвину, от удара сломалась ось, кабина накренилась, из нее выскочил офицер, что-то кричал, размахивая пистолетом. Отвалился правый борт, и людская масса – человек тридцать – посыпалась из кузова в траву. Орала глотки, сверкали глаза. Люди передегивали затворы, перебежками рассредоточивались в цепь. Помимо них там были еще какие-то люди – в траве копошились фигурки. Как видно, драпанувшие из поселка связисты, штабники, прочий военный и полувоенный люд. Белели повязки – неужели и госпиталю досталось? Он вспомнил – госпиталь

ведь в том же здании! Поле простреливалось, люди прижимались к земле, передвигались короткими перебежками. Комвзвода – молодой длинноногий парнишка, выпускник пехотного училища – истерично что-то выкрикивал, переползал с места на место. Пинал какого-то увальня, не спешащего вылезать из оврага. Стихли выстрелы. Офицер привстал, проорал что-то дурным голосом, побежал вперед. Поднялись еще несколько, бросились за ним. И вся лавина – штрафники, связисты, комендантские бездельники, даже раненые, сверкающие окровавленными повязками – покатились по полю, вопя что-то непотребное, страшное, никак не «За Родину да за Сталина»...

Зорин приладил пулемет, но куда стрелять? Так и будет статистом? Покосился на соседа – Федор Игумнов корчился рядом, тяжело дышал, зверская ухмылка перекашивала небритое лицо. Под ногами, на нижнем ярусе, корчились еще двое – он слышал, как они отрывисто переругивались.

– Может, мне эту штуку дашь? – прохрипел Игумнов. – Я в пулеметном взводе служил, для меня эта штука как клюшка для хоккеиста.

– Перебьешься, – буркнул Зорин, – мы тоже не пальцем деланы.

Фашисты, засевшие на околице, открыли огонь. Застучал ручной пулемет. Споткнулся длинноногий офицер, повалился в бурьян орущей физиономией. Упали еще четверо. Остальные залегли. Кто-то, прихрамывая, побежал назад. Пули взрыли фонтанчики под ногами – он рухнул, пополз, оттопырив тощий зад. Плотность огня нарастала. Лежащие в траве не выдерживали, отползали. Пулеметчик решил развлечься – перенес огонь на застрявшую в бездорожье полуторку. Разбилось лобовое стекло, подпрыгнула, забилась в ржавых петлях крышка капота. Пули продырявили бензобак – вспыхнуло, повалил густой дым, мгновенно окутал дорогу, фигурки людей, копошащихся в траве...

Но самое страшное началось, когда фашисты пошли на прорыв. Вырастали из травы, из оврага, из сараев, разбивали сапогами шаткие оградки. Спокойные, в защитных комбинезонах, в касках, обтянутых сетками, обвешанные боеприпасами. Строчили от бедра, переходили на легкий бег. Десяток, два десятка... Штрафники отползали, хаотично отстреливались. Немцы были словно заговоренные, никто не падал. Они работали слаженно, четко, подчиняясь командам не лезущего на рожон офицера. Эти упыри смеялись, спокойно разговаривали, грызли травинки! Зорин упер приклад в плечо, подтянул ногу, приподнялся, отыскивая мишень. Что такое «Дегтяреву» триста метров? А немцы ускорялись, продолжали стрелять, невозмутимо выбивали пустые магазины, вставляли новые. И вдруг присели, стали по одному выбрасывать длинные противопехотные гранаты! Вставали фонтаны взрывов. Вспышки, пламя, грохот. Штрафники откатывались, пятились, кто-то не выдерживал, убегал в полный рост. Многие падали, напичканные свинцом. Эсэсовцы неторопливо поднимались, вскидывали автоматы...

Зорин начал стрелять – короткими, злыми очередями. Первые пули ушли в белый свет. Не пристрелян пулемет, и как им воюют, мать их! Он перенес огонь ниже. Видел, как пуля пробила каску, диверсант повалился ничком. Второй замахнулся гранатой – и застыл, словно задумался. Ноги подкосились, медленно осел. Граната взорвалась в руке – Зорин видел собственными глазами, как фрицу оторвало половину головы! Окровавленное туловище завалилось в бурьян. Осколки разлетелись – упали еще двое. Немцы дрогнули, завертели головами – сообразили, что стреляют сзади. Зорин продолжал палить – очереди делались жестче. Сломался офицер, схватился за простреленную голяшку, присел, что-то проорал. Щелчок – исыск диск. Дьявол! В этих плоских магазинах всего-то сорок семь патронов...

– Федор, спишь? Диск давай!

– Ага, понял... – завозился невольный напарник, выхватил из сумки свежий диск – новенький, сияющий зеленой краской. Судорожно громоздил его на станину и не мог попасть дрожащими руками в пазы.

– Да чтоб тебя, давай я сам...

Застрочили двое, что были под ними. Заходил ходуном бревенчатый настил.

– Эй, парни, как вы там? – прокричал Зорин.

– А чё нам делается? – хрипло прокричали в ответ. – Далеко, зараза, неинтересно!

– Вы кто, мужики?

– Да мы-то все те же – Костюк, Гурвич, третий взвод... А ты, пулеметчик, что за гость такой?

– Зорин моя фамилия... Ладно, мужики, позднее представимся и обменяемся верительными грамотами... – Ноги затекли, он потряс ими, снова припал к пулемету. Даже не заметил, как иссяк магазин. Кожух раскалился, дымился. С водичкой на этой вышке, видимо, проблемы... Игумнов был уже наготове, отцепил диск, отшвырнул, пристроил новый.

– Это последний!

– Не обрадовал! – прокричал Зорин. Обидно, только в раж войдешь...

Прореженная цепочка гитлеровцев пошатнулась, стала ломаться. Немцы пятились, сумбурно стреляли. Двое или трое стали строчить по селу – били наудачу, не понимая, где засел пулеметчик. Но кто-то узрел пожарную вышку, закричал, тыкая в нее пальцем. Наблюдательность не помогла – Зорин уже разобрался с «особенностями» пулемета, пули взломали грудную клетку, гитлеровец взмахнул руками, сделал сложное страдальческое лицо...

Объявился кто-то храбрый в рядах штрафников. Поднялся, вскинул винтовку. И снова боевой азарт охватил бойцов (не всех, к сожалению). Поднялись десятка полтора – кинулись в атаку, крича лужеными глотками. Немцы тревожно перекликались. Кто-то отбросил пустой автомат, выхватил саперную лопатку. Кто-то хлопал себя по пустым подсумкам. Двое оттащивали к амбару раненого офицера. Отступить с достоинством времени не было. Негодующая толпа уже неслась. Закатное солнце блестело в штыках. Сшиблась клокочущая энергией толпа с цепочкой фрицев, смяла, началось избиение. Мелькали приклады, ноги, руки. Свалился молоденький боец, застреленный в упор. Немец лихорадочно передергивал затвор, а на него летел штрафник, сжимая винтовку с пристегнутым штыком, орал во все воронье горло. Немец рвал заклинивший затвор, два крика слились в нестройный рев. Боец проткнул его насквозь, выдернул штык, а потом наносил мощные колющие удары в агонизирующее тело... Дрались на кулаках – размахивать оружием в этой тесноте было невозможно. Плечистый мужик повалил своего «соперника» ударом в челюсть и не давал ему подняться, бил и бил безостановочно по лицу, превращая его в кровавую маску... Кто-то вырвал у фашиста саперную лопатку, треснул по каске, а потом по ключице, по ненавистой фашистской морде... Диверсанты побежали, увязая в траве. В живых осталось только трое. Проворный боец, весь в крови, возможно, и не в своей, – подобрал автомат, принялся строчить, особо не целясь. Срезал одного. Захлопали винтовки и карабины. Упал второй. Последний повернулся лицом к советским солдатам, плюхнулся на колени, задрал руки. Не помогло – пули рвали комбинезон, дырявили фашистские внутренности...

Опьяненные победой, радостно вопили, трясли винтовками. Подтягивались отстающие. Седой раненый волочил забинтованную ногу. Объявился старший – командир отделения из числа отбывающих наказание. Замахал трофейным автоматом, что-то сипло орал, показывал рукой. Бойцы бежали к околице, растянувшись в неровную цепь. А когда до плетней оставалось метров тридцать, укрывшийся за поленницей пулеметчик вновь открыл огонь. Двое свалились как подкошенные – в том числе и командир отделения. Остальные залегли, кто-то начал отползать. Но вот метнулась фигура, полетела граната – а метатель, проделав ловкий кувырок, покатился в рытвину. Рвануло у поленницы – посыпались дрова, пулеметное гнездо накрылось ржавым тазом. Вставали бойцы, устремлялись в штыковую...

– Шабаш, мужики! – прокричал Зорин, отбрасывая ненужный пулемет. – Все вниз, бежим к штабу! Ох, будет там сейчас заваруха!

Подобной развязки диверсанты не ожидали. Дислоцированную на окраине Калиничей штрафную роту за противника не считали. Диверсантов давили с трех направлений, и волей-неволей им пришлось возвращаться к горящему штабу. Кольцо замкнули – ценой неимоверных усилий и десятков человеческих жизней. Картина у штаба предстала во всем безобразии. Правое крыло бывшей районной больницы, где располагался госпиталь, было окутано тяжелым зловонным дымом. Пламя перетекало на левое крыло, в котором находился непосредственно штаб. Языки огня лизали крышу, плясали по карнизу. В оконных проемах госпиталя бесновалось пламя, огнем охватывались новые помещения, дым вырывался толчками. Удушливый запах гари стелился по округе. На площади перед больницей творилось что-то невообразимое. Обугленные останки «Виллисов» и «газиков», подорванный грузовик с красным крестом на борту, разбитая телега хозяйственного взвода, повсюду трупы – в большинстве безоружные. Нападение было внезапным, люди выскакивали из здания, метались, падали замертво. Несколько тел валялись на крыльце – солдаты комендантской роты хотели оказать сопротивление. Даже выстрела не сделали. Сердце сжалось – мина угодила под дерево, вырвав его с корнем. Две девочки-медсестрички, засыпанные землей, лежали на краю воронки. У Валечки юбка задралась, обнажились некрасивые коленки, а Женечка даже в смерти была хорошенькой – ротик изумленно приоткрылся, в глазках поблескивали кубики льда. Он вспомнил, как извивалась она под ним на сеновале, как жадно, до крови, кусала ему губы. Как смеялась потом после алчного, сокрушающего соития – тихо так, облегченно, почти счастливо. Сглотнул комок – и что же ты творишь, война...

Никто не знал, сколько фашистов засело в здании. Может, десяток или два. Несколько минут назад туда прорвались еще четверо. Окровавленные, оборванные, страшные – их выдавили из заброшенного сквера на задах больницы – деваться фашистам было некуда, побежали к своим, сидящим в западне. Поначалу их было семеро, но двое полегли на площади, а третий был снят прицельным выстрелом уже в проеме. В оконных глазницах на втором этаже мелькали тени, потрескивали автоматные очереди. Иногда вылетали гранаты – но взрывались там, где уже давно не было живых. Уцелевшие штрафники растянулись по периметру, прятались за деревьями, за кустами, за обломками техники. Кто-то засел в одноэтажном здании напротив. Двое бойцов, приставив к стене лестницу, пытались взгромоздить на крышу станковый пулемет Горюнова на колесном станке. Импровизированный штаб разместился за оградительным бетонным блоком, окрашенным в полоску. Ругался восьмьюэтажным, витиевато закрученным матом комроты Кумарин, созывал командиров отделений, выражал крайнее недовольство – за каким, собственно, хреном их подвигло погибнуть почти всех?

– Ткаченко, выполняйте! – слегка заикаясь (видимо, контузило), выкрикивал Кумарин. – Берите людей! Обойти здание, изучить возможность проникновения внутрь!

– Товарищ капитан, – хрипел кто-то, – пытались уже! Там ограда и сквер, не развернуться! Они бросают гранаты нам на головы! Трое уже погибли! Они сами не смогут там выйти – пожарный выход в той части здания, где... пожар! А из окон ползут – там Канторович с пулеметом и еще четверо наших...

– Ткаченко, выполняйте! Вы поняли приказ?!

Царила полная неразбериха. Все перемешалось – штрафники, остатки комендантской роты, взвода связи, какие-то штабные личности с зелеными от переживания физиономиями. Два взвода штрафников понесли тяжелые потери, третий представлял еще что-то боеспособное, но людей разбросало, лежали, придавленные к земле, и собрать их под огнем во что-то стройное и маневренное было невозможно. Зорин лежал в воронке, вырытой разорвавшейся миной, недалеко от угла здания, выковыривал грязь из затвора ПППШ. Чертыхался

Игумнов и тоже выковыривал грязь – только из уха. Стучал по нему грязной ладонью, хмуро прислушивался, опять стучал.

– Оглох, что ли? – покосился на него Зорин.

– Да не, сам не понимаю, – пожал плечами Федор. – То слышу, то все дрожит и затухает.

Чертовщина какая-то. За ранение не прокатит?

– А что? – не понял Зорин.

– Как что? – удивился Игумнов. – За ранение освобождают от наказания, снимают судимость, отправляют на лечение, а потом – в родную часть.

– Размечтался, – хмыкнул усатый Костюк, лежащий за пнем, – лучше пальчик порежь.

Или выбеги вон туда, – он кивнул на усеянный телами пустырь, – бок подставь, глядишь, и заштопают.

– Не вижу особой разницы, где воевать, – подал голос рассудительный Гурвич, лежащий за Костюком, – ему было лет тридцать пять, носатый, с глазами навывкате. – Там пристрелят, здесь пристрелят, какая разница? Ну, побегаешь неделкой дольше – принципиальная разница?

– Так какого же хрена тебя еще не пристрелили? – крикнул Костюк. – Месяца полтора уже в штрафниках обретаешься, нет? Тебя даже ранить-то толком не могут.

– А я на рожон не лезу, – ухмыльнулся Гурвич и начал растирать кулаком покусанную кровопийцей щеку. Покосился на Зорина: – Не бойся, не трус. Просто ненавижу этот ложный ура-патриотизм и расейское шапкозакидательство. Вместо того чтобы думать, мы хватаем пустую винтовку и радостно прем на танк – тупо гибнем и считаем, что таким чудовищным образом поднимаем престиж советского человека.

– Ты иудей, что ли? – проворчал Зорин.

– Да какой я иудей, – фыркнул Гурвич. – Даже на интеллигента не тяну. Чертежником был на заводе машинных агрегатов...

– Ну, слава тебе господи, хоть на интеллигента он не тянет, – проворчал Костюк. – Вот только интеллигентов нам тут и не хватало. А ты кто по происхождению, парень? – повернулся он к Зорину: – Из рабочих, крестьян?

– Интеллигент, – проворчал Зорин. Все заржали.

– Что-то не похож, – хмыкнул Костюк.

– Сам удивляюсь...

Набежала фиолетовая туча, усилился ветер. С новой силой разгорелся пожар в правом крыле. Затрещала крыша. Откуда-то возник прихрамывающий, потерявший фуражку Шалевич – военком штрафной роты. По лбу из незначительной раны стекала кровь. Жилы на шее судорожно бились, раздувались крылья ноздрей. Он присел за деревом, с которого взрывом ободрало кору, вытащил из кобуры наган образца 1895 года.

– Ну что, бойцы! – прокричал хрипло, обзрев залегших бойцов. – Добьем фашистскую нечисть? А ну, поднимайся, за мной, в атаку!

– Вот неугомонный, – проворчал Гурвич. – Какой резон атаковать? Полежать спокойно не даст...

Оперся на приклад, начал подниматься – не спешил рядовой Гурвич бросаться в гущу событий. Атака на штаб, захваченный фашистскими диверсантами, была, мягко говоря, не самым удачным решением проблемы. Многие даже выбежать из-за деревьев не успели – полегли под шквальным огнем. Остальные вынеслись на пустырь перед зданием и стали судорожно искать укрытие. Огонь был таким плотным, что не давал даже добежать до разбитого грузовика санчасти. Зорин распластался за мертвой лошадию – какое ни есть, а укрытие. Солдаты пятились, ведя хаотичный огонь. Раскатисто стучал пулемет – пули кромсали пустырь, выворачивали гравий, терзали мертвые тела.

– Твою мать, вот попали... – подполз Игумнов с винтовкой, юркнул за разбитую телегу, уставился, озадаченно почесывая затылок, на мертвого военкома Шалевича, у которого из глазной впадины сочилась кровь, а под затылком расплывалась целая лужа.

Зорин озирался. Костюк ошпаренно моргал из-за дерева, в траве под ним копошился Гурвич, отползал, загребая рукой, словно забыл, что не в бассейне. Фашистский пулемет не унимался, припадок одолел – долбил и долбил по пустырю. В дуэль вступил станковый Горюнов – взгромоздили-таки на крышу! Мишени пулеметчик особенно не выискивал, выворачивал кладку, рамы, бил уцелевшие стекла. Кто-то вскрикнул в здании – нашла пуля героя.

– Что он делает, придурок? – ворчал Игумнов. – По пулеметчику надо стрелять... Вон он, гад, в окне маячит – на втором этаже, балкон его удачно прикрывает...

Пулеметчик словно услышал его – перенес огонь. С балкона посыпалась штукатурка, сломалась балясина, рухнула на землю. Глухой вскрик – и вражеский пулеметчик заткнулся.

– Ходу, Леха, – спохватился Игумнов, выкатился из-за телеги и кинулся прочь из простреливаемой местности. Зорин подхватил автомат и тоже побежал. Выскочили из укрытий еще несколько человек...

Затишье продолжалось секунд пятнадцать. Мертвого пулеметчика сменил живой, прошелся по тем, кто не успел поспрятаться, и принялся долбить по крыше, где за дымоходом укрылся расчет «Горюнова». И снова все вернулось на исходную. Штрафники лежали в укрытиях метрах в семидесяти от фасада, ругались, зализывали раны. По округе расплывался удушливый дым. Люди кашляли, дышали через рукав. Под напором ветра пожар разгорелся, дым валил клубами. Просела крыша в правой части здания, обрывались перекрытия. К счастью, ветер сменил направление, дул теперь в другую сторону, дышать стало легче. Замолкли оба пулемета, настало затишье. Стонали раненые. Подстреленный в живот боец выбрался из-под трупа товарища, пополз боком под защиту деревьев. Мелькнула юбочка, Зорин проморгался – нет, не почудилось! Имени санинструктора он пока не знал – молодая девчонка, маленькая, плотненькая, в пилотке, натянутой на уши, гимнастерке со стоячим воротом и юбке блеклого серо-коричневого цвета, – прижимая тяжелую сумку к бедру, бежала на помощь раненому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.